

Сергей Черемнов

*Капчагайские
рассказы*

Сергей Черемнов

Капчагайские рассказы

Кемерово

2024 ©

В сборник «Капчагайские рассказы» вошло несколько повестей и рассказов о литературных героях, прототипы которых реально жили в 1970-1990 годах в небольшом городе, расположенном на берегу рукотворного моря на юге Казахстана. Эти истории были написаны в разные годы и опубликованы в разных книгах автора, литературном журнале «Огни Кузбасса», на веб-портале слово-сочетание.рф. Но теперь повествования собраны вместе, автор расположил их не по годам создания, а по хронологии событий, описанных в них.

12+

© Текст С. И. Черемнов

© Оформление С. И. Черемнов

Капчагайские рассказы. –

Кемерово, 2024. – 129 с., илл.

Вместо предисловия

Небольшой город Капчагай, что в переводе с казахского означает «узкое ущелье» или «сжатая земля», расположен на юге Казахстана, на берегу реки Или и одноимённого с городским названием залива.

Поселение возникло на этом месте примерно в первой четверти XX века. Оно неоднократно меняло своё наименование. Сначала это был посёлок Или, куда в ожидании строительства гидроэлектростанции переселяли жителей нескольких населённых пунктов, попадающих под предстоящее затопление. Затем он стал Илийском, позже был переименован в Новоилийск. Наконец, Указом Президиума Верховного Совета Казахской ССР от 9 июля 1970 года город стали называть Капчагаем.

О необходимости соорудить здесь гидроэлектростанцию, которая снабжала бы энергией промышленность столицы Казахской Республики Алма-Аты (ныне Алматы – город республиканского значения в Казахстане) всерьёз начали говорить ещё в начале 1940-х годов. Но на территории Советского Союза шла Великая Отечественная война, и задумка была отложена до лучших времён.

К проекту вернулись в конце 1950-х. Строительство основных сооружений гидроузла начали в 1966-м, реку Или перекрыли 29

сентября 1969 года. Первый гидроагрегат станции был пущен 22 декабря 1970 года, последний – четвёртый – 22 декабря 1971 года. В 1980 году строительство ГЭС было окончательно завершено.

Вот так рядом с Капчагайской ГЭС возникло огромное водохранилище, которое местные называют морем с тёплой и чистой водой, с привольными песчаными пляжами.

А на берегу рукотворного моря – всего в каких-нибудь шестидесяти километрах от Алма-Аты – раскинулись жилые кварталы сразу же помолодевшего Капчагая. Он быстро стал и местом республиканских здравниц, и любимым уголком летнего отдыха алмаатинцев, и гостей Казахстана.

«Город степной – степь и бархан,
Море лазури – твой дастархан.
Берег песчаный – солнца тепло
Южным загаром к тебе притекло...», – писал о Капчагае поэт Виктор Конищев.

Капчагай был интернациональной территорией. На строительство ГЭС ехали люди со всего Советского Союза, в том числе из Сибири. Именно так здесь оказались и осели многие россияне. В их числе в те годы в Капчагае очутились и выходцы из моего родного угольного города Прокопьевска – близкие и родные для моей семьи люди. Они честно, добросовестно и много трудились на земле Казахстана.

Мне посчастливилось не раз бывать в Капчагае в 1970-1980-х. Тогда здесь царили благоденствие и дружба между людьми разных национальностей. Мои русские родственники жили по соседству с казахскими семьями, вместе трудились на гидростанции, ходили друг к другу в гости, весело отмечали годовщины и юбилеи.

А какими всегда вкусными и сладкими были алма-атинские и капчагайские черешня и абрикосы, яблоки и груши, дыни и арбузы! И, конечно же, речная рыба из Капчагайского моря!

С тех пор прошло уже немало времени, я побывал во многих уголках мира, но до сих пор считаю, что отдых на Капчагайском море тех лет не сравнишь ни с каким другим курортом.

...Мы беспечно отдыхали
В солнечной подделке рая.
И сгорая, заплывали
В эту чашу Капчагая...

Увы, в начале 1990-х Советский Союз распался и многое изменилось. Многие родственники, знакомые и друзья под давлением обстоятельств непреодолимой силы вынуждены были сорваться с насиженных мест, уехать из Капчагая в другие, более спокойные, места. К тому же, «иных уж нет, а те далече»...

Однако в памяти, в том её уголке, где откладываются добрые воспоминания, остались солнечные, почти беззаботные капчагайские дни, которым я многому обязан... И пускай любимый городок моей молодости в 2022 году опять получил новое имя – теперь это город Конаев, – я всегда вспоминаю о нём с удовольствием и любовью.

Эти рассказы были написаны в разные годы и опубликованы в разных моих книжках. Но я решил собрать их вместе и расположить в этом сборнике не по годам их создания, а по хронологии событий, описанных в них...

Сергей
Черемнов

Дядя Вася

Об его усах знала вся округа. Большие, как у маршала Семёна Будённого, только погуще, и концы у них не топорщились по-маршальски, а свисали прямо вниз. За эти усы дядю Васю уважали в посёлке и по ним же узнавали издалека.

Невысокого роста, поджарый, даже довольно щуплый на первый взгляд, он своими усами как бы добирал солидности и обстоятельности, что ли. Он любил носить обычные брюки, перехваченные на впалом животе кожаным ремешком, и рубашки с длинными рукавами, которые закатывал по локоть в любое время года. А узловатые пальцы жилистых рук то и дело мяли очередную «беломорину». Ведь курил дядя Вася как паровоз. За это супруга тётя Алла частенько выставляла дядю Васю на крыльцо, выходящее в тенистый сад-огород. На лавочке недалеко от уличной калитки и любил он посиживать после летнего рабочего дня, пуская дым разве что только не из ушей. Ну, и любитель был поговорить при случае с прохожим или соседом. Или дымил молча.

А ещё дядя Вася был любителем разных приколов, как теперь говорят. Для него подшутить над человеком – было как бы само собой разумеющееся дело. При этом он всегда сохранял такое серьёзное выражение кирпичного от загара лица, что не поверить в кажущуюся

правдивость его очередной «наколки» бывало просто невозможно. И только глубоко в щелочках глаз цвета выцветшей голубизны вспыхивали несильные огоньки – знак того, что врёт или в очередной раз идёт на розыгрыш. Но чтобы заметить это, надо было хорошо знать дядю Васю. И даже прожившая с ним не один десяток лет тётя Алла нет-нет да и покупалась на его выдумки.

Они жили в вагончике-временке, который почему-то именовали «пэтэушкой», хотя и снаружи, и изнутри дом этот напоминал довольно-таки уютную, благоустроенную дачку с достаточным числом комнат и всеми современными удобствами. Они всё время жили в ожидании сноса своего жилья вместе с садом, так как их южный степной городок Капчагай в те благословенные «семидесято-восьмидесятые» годы постоянно расстраивался, разрастался каменными многоэтажками. И в необъятной степи, ласково приткнувшейся в бок широкому заливу такого же необъятного водохранилища, образовавшегося при строительстве гидроэлектростанции, места для строительства нового жилья, как всегда, не хватало. Вот местные власти и сносили эти дачки с садами, а вместо них возводили железобетонные джунгли, жить в которых в условиях жаркого степного климата было просто невозможно. Но Восток, как известно, дело тонкое. Раз решили делать так – с пути не своротишь.

Дядя Вася всё надеялся, что до него очередь на переселение в благоустроенную квартиру дойдёт не скоро. Ходил на работу – слесарил на местном рыбзаводе, а в свободное время курил папироски, возился в саду да подшучивал над соседями и всеми остальными, кто поддавался на дяди Васиные розыгрыши.

Я познакомился с ним ещё до нашей с Галиной свадьбы. Мы – в то время студенты филфака сибирского вуза – не видели особых проблем съездить в летние каникулы в далёкий казахский Капчагай, где солнце, море, ну, то есть водохранилище, и песок, навалом фруктов. Чего ещё душе желать?!

До Капчагая нас за двое суток довёз душный, грязный, разболтанный, переполненный пассажирами скорый поезд Новокузнецк – Алма-Ата. На станции он задержался ровно на две минуты, как раз, чтобы мы успели соскочить со своими чемоданчиками на пропылённый степной перрон. Поезд дал гудок и укатил в сторону Алма-Аты – тогда столицы Казахстана, до которой оставалось всего шестьдесят километров. Кроме нас, здесь больше никто не сходил, и поэтому, кроме единственного усатого мужичка, других встречающих не наблюдалось. И он направился прямо к нам.

– Привет, Галчонок! – он раскинул руки и обнял мою будущую жену.

– Здравствуй, лёлька, – она умело уклонилась от его усатого поцелуя.

– А это кто? – кивнул усатый в мою сторону. – Неужели жениха привезла?

– Привезла, – скромно потупившись, ответила моя невеста. – Знакомься, дядь Вась, его Егором зовут...

– Егорушка, – засмеялся дядя Вася, так задорно засмеялся каким-то своим гортанно-кхакающим, но от этого не менее заразительным смехом, что мы заржали вместе с ним. У него даже папироска изо рта выпала, а глаза превратились в щёлочки.

– Женишок, – выдохнул он сквозь смех. А потом остановился, достал из кармана брюк выдавший виды платок, вытер глаза, высморкался и протянул мне руку:

– Давай знакомиться, Егор. Я Василий Иванович. Но можешь звать меня дядя Вася, – он протянул свою широкую ладонь и с такой силой сжал мою бледную узкую руку, что я аж присел от неожиданности. А дядя Вася, довольный произведенным впечатлением, опять расхохотался своим необычным кха-кха-кха...

И, пока он успокаивался, я рассмотрел его более внимательно. Кроме выдающихся усов, его лицо украшали не менее выдающиеся губы. Они были несоразмерно большими, казались вывернутыми наизнанку, как у какого-нибудь конголезского негра. А когда эти губы

растянулись в улыбку, то это выглядело, на мой взгляд, довольно комично и не могло не вызвать улыбки в ответ.

На что дядя Вася кивнул своей племяннице:

– А он у тебя смешливый попался, даром, что очкарик! – заставив меня произвольным жестом поправить на носу очки.

Я, наконец, огляделся вокруг. Кроме станционного вокзальчика с вывеской «Магазин. Бакалея-Гастрономия» да уходящих вдаль рельсов, в округе ничего примечательного больше не было. Повсюду, куда хватало взгляда, простиралась бескрайняя унылая степь, перемежаемая редкими, чахлыми, сухими кустиками. Ни единой души, ни одного живого существа. Зато крепко припекало полуденное солнце.

– А где же посёлок? Где вы живёте? – обалдело спросил я.

– Да город тут недалеко – километров двадцать, – весело ответил дядя Вася.

– А автобус ходит?

– Какой автобус? Никакого автобуса, пешком добираемся, – посерьёзnel он. – Пойдем потихоньку, до вечера, глядишь, дома будем.

От такой перспективы я сдулся прямо на глазах. Видок у меня стал, прямо скажем, пришибленный.

– Как же мы... – заблеял я растерянно.

– Да не слушай ты его, – хлопнула меня по спине Галина. – Тут идти-то всего полчаса – километра два. Давай, пошли.

Она подхватила свой чемодан и пошагала по едва заметной пыльной тропинке. Мы с дядей Васей двинулись следом. Он закурил на ходу папиросу и серьёзно спросил:

– А ты поверил, что двадцать километров? – я кивнул в ответ. И дядя Вася опять залился довольным смехом.

Тропинка вела под уклон. И вскоре в открывшейся низине мы увидели дома, как на ладони, показались кварталы новых пятиэтажек, аккуратно расчерченные улицы и зелень садов, за которыми скрывались домики частного сектора. Чуть дальше виднелась раскинувшаяся до горизонта водная гладь бескрайнего водохранилища, на которой тут и там маячили белоснежные крылья парусов яхт, сновали катера и более серьёзные суденышки.

До дяди Васиного дома мы действительно добрались за полчаса. За это время он успел расспросить меня, кто я и что из себя представляю, рассказал о Капчагае, о том, как хорошо здесь отдыхают, которые валом валят сюда на выходные из Алма-Аты. О строгой жене своей Алке...

– Не Алке, а тётё Алле, – поправила его Галина.

– Ну, кому тётя, а мне жена, – отмахнулся он.

В общем, дядя Вася оказался таким словоохотливым и вполне-таки приятным человеком, что у меня отлегло на душе: все же впервые ехал я к родственникам будущей жены, которая хоть и прожужжала мне все уши о том, какие это замечательные люди, однако я очень волновался и переживал: как-то встретят и придусь ли ко двору... Но, кажется, всё обошлось, и внутреннее напряжение, что называется, отпустило. А впереди замаячил прекрасный летний отдых.

Мы по достоинству оценили дяди Васину усадьбу. На крыльце нас встретила тётя Алла. Её суровое, на первый взгляд, загорелое до черноты лицо украшал крупный нос, который больше, наверное, смахивал на мужской. И вообще она была крупнее и, казалось, неповоротливее дяди Васи. Однако хлопотала по дому довольно быстро. А стол так вообще накрывала проворнее любой молодухи. На вид им обоим было лет по пятьдесят, на свой глаз определил я.

А пока тётя Алла готовила обед, дядя Вася повел гостей на двор, показывал и расхваливал сад, аккуратные, ровные грядки зелени, груши, яблони и ещё какие-то замысловатые плодовые деревья. Всё свободное пространство сада было засажено большими кустами

помидоров, буквально увешанных крупными – и зелёными, и бурыми, и красными плодами. У Галины глаза загорелись от этого обилия:

– Люблю помидоры – никакой другой еды мне не надо! – воскликнула моя красавица. – А как вы их поливаете, ведь в такой жаре им сколько влаги надо?!

Дядя Вася не без гордости подошёл к стене дома, где на гвозде висел свёрнутый в круги шланг, и нажал кнопку на закреплённой здесь же коробочке из карболита. Раздалось громкое урчание, и через несколько мгновений из шланга хлынула струя воды. Дядя Вася разгладил усы, ловко ухватил конец шланга, в один момент размотал его и принялся поливать один за другим помидорные кусты, аккуратно перешагивая через растения.

– Скважина у нас, а в ней на глубине я насос поставил, – перекрикивая шум двигателя и льющейся воды, объяснял он с довольным видом. – Алка тоже помидоры любит больше, чем меня!..

Пока мы поливали помидоры, пока дядя Вася брызгал из шланга на нас ледяной водой, под Галкин визг и мой хохот стол был накрыт. Тётя Алла позвала всех обедать.

Мы ели и нахваливали хозяйку. А на столе чего только не было: настоящий украинский борщ, крупные куски ароматной баранины, красной рыбы, овощи всех мастей, включая, конечно, большие, сочные помидоры. В углу стола своего времени дожидались полосатый арбуз и жёлтая дыня-колхозница. В середине стола ароматно дымилась варёная картошечка – обязательная и любимая еда всех сибиряков.

И, конечно же, выпили бутылочку белой, запотевшей – за приезд, за встречу, за хороший отпуск. И за Галиного жениха, конечно, и за племянницу, за хозяев и за хороший стол. А больше в бутылочке тостов не оказалось... Засиделись. На улице уже стемнело, отошёл в прошлое длинный летний день.

– Давай, я тебе в саду раскладушку поставлю, – предложил мне дядя Вася.

– Конечно! – согласился я тут же.

– Что – конечно?! А ты не выдумывай! – напустилась на мужа Алла. – Хочешь, чтобы его загрызли там насмерть?!

– Да он крепкий, выдержит, – усмехнулся дядя Вася. – Давай, в саду, а?

– Да я согласен, тётя Алла. Вы не переживайте, – я смотрел на неё умоляюще.

– Ну, вот. Он и сам хочет на воздухе. Чего ему тут в духоте париться, – подхватил дядя Вася.

Он, не теряя времени, нашарил в кладовой раскладушку, вынес её в сад, раскинул возле яблони, вдоль помидорных кустов. Тётя Алла покачала головой, глядя на всё это, потом, вздохнув, застелила раскладушку матрасом, простынёй, положила подушку и одеяло.

– А чего вы боитесь? – подошёл я к ней.

– Да я-то ничего не боюсь. Может, оно и ничего... – отмахнулась она.

...Я улёгся на узкой скрипучей раскладушке, укрылся одеялом: после захода солнца потянуло прохладой с водохранилища. В воздухе витали незнакомые доселе запахи садовых деревьев, цветов, которые тётя Алла густо насадила в клумбе возле крыльца. Окна дома светились, указывая на то, что домочадцы ещё не легли. И их отсвет мешал мне рассматривать низкие крупные звёзды, густо усеявшие просвечивающее сквозь яблоневые ветки южное небо. Дышалось глубоко и свободно.

Вскоре свет в окнах погас. Но мне не спалось, несмотря на длинный, суматошный день, вобравший в себя и езду в раскалённом от жары поезде, и прогулку по жаркой пустыне, и новое знакомство, и затянувшийся обед. Я лежал, закинув руки за голову, рассматривал незнакомый небосвод. Вдруг я почувствовал лёгкий укол в тыльную сторону правой ладони и сразу за этим ощутил жжение. И тут же

последовал другой укол, в левую щёку, я ударил по ней, и тут же – новый укол, в лоб...

Я услышал звонкий гуд, звучащий, казалось, со всех сторон. «Комары!» – осенило, наконец. Я принялся непрерывно махать руками, лупить себя по лицу, отгоняя мелкую, зудящую, непрерывно атакующую и сильно жалящую тварь. Но всё было напрасно. Бесславно посражавшись с кровососущими минут пятнадцать, я нырнул с головой под одеяло. Комариный писк стих. Я лежал под одеялом, сколько хватило духу, жара внутри была такая, что, казалось, всё готов отдать за глоток воздуха, которого под стёганным одеялом просто не было.

Я крепился, сколько мог, многочисленные укусы при этом жутко чесались. В конце концов, не выдержал и откинул одеяло. Поток свежего ночного воздуха буквально опьянил. А комариный писк зазвучал с новой силой. Я снова принялся отмахиваться изо всех сил, шлёпать себя по лбу, щекам, рукой об руку, расчёсывая при этом уже укушенные места. Но снова нырять под душно-безвоздушное одеяло, под которым нечем дышать, не хотелось.

И тут я услышал странный посторонний звук, напомнивший что-то знакомое, уже слышанное сегодня. Будто кто-то мелко и глухо кашлял. Звук доносился со стороны крыльца. Я посмотрел туда: на фоне белеющей в темноте дверной занавески стояла знакомая фигура дяди Васи и попыхивала папироской. Но что меня задело больше всего – он от души хохотал своим глухим, необычным – кха-кха-кха, вытирая выступавшие от смеха слёзы...

– А я вот смотрю, сколько ты вытерпишь, – сказал он беззаботно. – Другие дольше мучаются, да всё равно в дом идут ночевать. Пойдём и ты, хватит мучиться.

Меня не нужно было просить дважды. Подхватив подушку с одеялом, я мимо дяди Васи шмыгнул на веранду, потом в дом. Поднялась тётя Алла и, ворча на «этого дурака Ваську, который чуть не загубил парня», постелила мне на полу в одной из комнат. В доме стояла липкая духота,

от перегревшегося за день воздуха моё тело покрылось испариной. Я улёгся в приготовленную постель, которая тут же стала влажной от пота.

– Так и мучаемся каждый день всё лето, – громким шёпотом говорила тётя Алла. – На улице от комаров спасу нет, как голодные собаки, сожрут любого. Потому и окон не открываем. Но под утро будет прохладней...

– Ты простыню водой намочи – легче лежать будет, – научила она меня. – Укроешься ею, может, уснёшь. А как высохнет – опять намочи.

– А Галя спит? – спросил я.

– Уснёшь тут, – выплыла из темноты соседней комнаты завёрнутая в мокрую простыню Галя. – Что, наколол тебя дядя Вася? – спросила тихо.

– Любит он над людьми поиздеваться, – добавила тётя Алла. – А сам, небось, спит теперь без задних ног...

И в подтверждение её слов откуда-то раздался мерный, негромкий храп хозяина дома.

– Ладно, ложитесь и вы, спокойной ночи, – тётя Алла ушла к себе.

– Постарайся уснуть, – Галя чмокнула меня в щёку и исчезла в темноте своей комнаты.

Я ощупью добрался до ванной, встал под душ, под тёплые водные струйки, потом намочил простыню, выжал её. И, не вытираясь, улёгся в противно мокрую постель. Притерпелся, вроде бы стало прохладнее. Задремал, но ненадолго. Не прошло и получаса, как простыня высохла, и жара вновь окутала со всех сторон, накрывая липкой испариной. Я встал и снова намочил простыню. И так продолжалось несколько раз.

Только перед самым рассветом откуда-то потянуло холодком, от которого я сразу провалился в крепкий, без сновидений, сон...

Так прошли несколько дней отпуска. Утром, когда мы с Галей ещё спали после душной полубессонной ночи, дядя Вася и тётя Алла уходили на работу. Кстати, тётя Алла работала на местной ГЭС в бригаде штукатуров-маляров.

Потом мы просыпались, ели то, что она приготовила, и шли на пляж. Купание в рукотворном море доставляло одно удовольствие: чистейший песок, тёплая, едва колышима ветерком, вода, белые барашки волн. Отдыхающих в будние дни бывало совсем немного.

Но вскоре нам это приелось, захотелось побыть дома, совсем уединившись. Дело-то молодое. И мы придумали для хозяев версию, что останемся дома, потому что хотим помочь тёте Алле сделать уборку в квартире и приготовить обед. Что же она так и будет ради гостей каждый вечер стоять у плиты: «Ведь мы можем и сами...».

Тётя Алла вначале посопротивлялась для порядка, а потом сдалась. Особенно её убедил тот Галин аргумент, что «Егор тоже умеет варить такие вкусные борщи, пальчики оближешь!»

– Ладно, – сдалась она, – вари. Овощи найдёшь на огороде, всё остальное – в холодильнике.

– А картошка, картошка-то, где у вас растёт, покажите? – меня этот вопрос волновал. Ведь я её каждый день видел на столе, но не знал, где она растёт в огороде. Свёклу я здесь встречал, морковь росла на грядке и всякая другая зелень. А где же картошка? На наших сибирских огородах ей всегда отводили главное место, где её кусты ни с какими другими не перепутаешь. А тут я ни разу не видел знакомых кустов, не видел, как хозяйка её копают. С этим вопросом я и подошёл с вечера к тёте Алле. А она, занятая каким-то делом, отмахнулась, крикнула в другую комнату:

– Вася, покажи Егору, где у нас картошка растёт!

Дядя Вася тут же вынырнул откуда-то, как чёртик из табакерки:

– Не знаешь, где картошка растёт? – он внимательно посмотрел на меня, снял с губы неизменную папиросу, выпустил в потолок струю дыма.

– Ладно, – сказал, немного подумав, – пойдём.

Мы вышли на крыльцо. День догорал, лучи заходящего солнца удлиннили тени от дома, деревьев и растений. Дядя Вася снова пристально на меня посмотрел, но я выдержал его взгляд.

– Ты разве не видел, как я копаю картошку? Вон там её выкапывал, – он показал на помидорную полянку, где в самой середине, действительно, виднелся клочок пустой земли: из неё недавно выдернули несколько кустов.

– Так это ж помидоры?! – удивился я.

– То-то и оно, – кивнул дядя Вася. – Мы же новый сорт вывели: гибрид – сверху помидоры, а внизу картошка.

– Может, прямо сейчас её накопать? – спросил я.

– Нет, сейчас не надо. Она на жаре постоит, ещё испортится, – рассудительно произнёс дядя Вася. – Завтра готовить будете, сразу и накопаешь.

На том и порешили. Хотя, подумалось мне при этом, что ей, картошке-то, будет. Лежит она, бывает, дома неделями, и ничего. Правда, здешний климат с сибирским не сравнить – настолько здесь теплее...

На другой день мы купаться не пошли. Долго валялись в постели, а после принялись за уборку квартиры. Дотошная Галка залезала, кажется, в каждую щёлку, совсем загоняла меня с пылесосом, мытьём сантехники, да и сама здорово упласталась, как говорится. Зато домик блестел чистотой и порядком, а также умытыми стёклами окон.

– Ну вот, – удовлетворённо сказала Галина, – теперь твоя очередь – готовь борщ, да постарайся повкуснее, а то скоро наши с работы придут.

У меня к тому времени на газовой печи уже отварились в большой кастрюле свиная косточка, и аппетитный запах бульона гулял по всем комнатам. Я приготовил томаты, зелёный болгарский перчик, мелко нашинковал морковь и молодую свёклу прямо вместе со стебельками ботвы, нарезал капусту, намыл лучок и чесночок... Дело было за картошечкой, без неё я себе борщ просто не представляю.

Галка уселась смотреть местную телепередачу, а я, вооружившись ведёрком и найденными в кладовой вилами, вышел во двор. Огляделся: с чего начинать. И пошагал в серединку той самой помидорной полянки, на которую вчера показал дядя Вася. Подошёл к ближайшему помидорному кусту, примерился вилами, как ловчее подкопать корень и не повредить при этом клубни.

«Ах, картошечка! – подумалось мне в эту секунду. – Сколько я тебя перекопал у себя на родине – и в полях, и в огородах, и белую, и розовую, красную, крупную, мелкую, сухую и грязную?! Сколько мешков с клубнями перетаскал на своём горбу, чтобы запасти её на зиму в погребе. Зато как же вкусно её жарить или варить посреди зимы и – на стол, такую горячую, запашистую, рассыпчатую. С салцом или солёным огурчиком – да милое дело!»

Тут мои филологическо-гастрономические изыски оборвались на том, что, вывернув крепкий куст помидоров, картофельных клубней я в его корне не обнаружил. Что такое? Невезуха, не тот куст, видно, попался. Я взялся за второй, выкопал его – пусто, нет картошки. Одни красные помидорины посыпались с него. Я осторожно сгрёб помидорки в кучку. И принялся за третий куст – уж в третий-то раз точно повезёт. Пока я возился с очередным кустом, заскрипела калитка, и с улицы вошла вернувшаяся с работы тётя Алла, как всегда, с полными авоськами в руках.

– Привет, Егор, – окликнула она.

А я стоял: в одной руке куст помидора, в другой вилы, – и приветливо ей улыбался. Но она странно отреагировала на мою улыбку. Посмотрела на меня подозрительно исподлобья и спросила:

– А что это ты там делаешь?

– Как что, картошку копаю, борщ варю...

– А помидоры-то зачем рвёшь, мешают, что ли?!

– Так это – я картошку копаю! – повторил я ей: как маленькая – не понимает с первого раза.

– Ты, Егор, не дури, ты что, не видел, как картошка растёт?! – почти закричала на меня тётя Алла.

– Видел! В Сибири! А у вас тут – какие-то гибриды: сверху помидоры – внизу картошка!

– Кто тебе это сказал? Васька?! Ну я ему! Тьфу ты... – она опустила сумки на траву уселась рядом и начала хохотать навзрыд так, что я подумал вначале, что ей станет плохо. А потом всё понял и тоже начал давиться от смеха. На шум из дома выскочила Галинка – ошалело посмотрела на нас, а когда я в перерывах между смехом рассказал ей о дяди Васином приколе, перехохотала нас всех.

Сколько длилась эта смехотерапия, не помню, но в конце мы начали уже икать и вытирать глаза от вызванных смехом слёз.

Галя и тётя Алла по очереди переспрашивали меня:

– Так и сказал – гибрид?! Сверху помидоры, а внизу картошка! – и снова принимались хохотать.

– Ну, я ему покажу! Обманул парня, гад такой! – отдуваясь, говорила тётя Алла.

Она тяжело поднялась с травы и позвала нас:

– Пойдёмте, покажу, где у нас картошка растёт.

Мы пошли за ней вдоль стены дома, свернули за угол. Здесь, в тенёчке широко раскинулась сирень. А рядом со стеной был закопан в землю старый парник с подгнившим уже каркасом. В нём виднелись редкие, чахлые, засохшие кустики.

– Вот она, картошка, – показала на них тётя Алла. – А помидоры мои больше не тронь! И так какой-то варнак ночью их ворует, выдирает прямо вместе с кустами. Видел, уже целую полянку продрал?

– А дядя Вася сказал, что это вы так картошку копаете, – ввернул я.

Но сил смеяться снова уже не было. И я принялся на глазах у всех копать картошку. Клубни были белые, мелкие, какие у нас в Сибири и собирать-то не принято.

– Бери-бери всё подряд, – наставительно говорила тётя Алла. – Другой картошки у нас всё равно нету. Это вам не Сибирь, в этом песке, да на жаре разве она нормально вырастет? Зато мы её по три раза за лето садим, три урожая получаем...

Я доварил борщ. А вскоре явился с работы и дядя Вася. Он посмотрел на помидоры и сразу всё понял. Тётя Алла кинулась на него было с веником, но он увернулся со словами:

– Ну, откуда же я знал, что он поверит? Он ведь студент. На каком-то мудрёном факультете учится, а таких вещей не знает!

Все решили дядю Васю простить, тем более что он принёс большого копчёного леща и трёхлитровую банку пива. «Жигулёвское, свежее, – похвастался дядя Вася. – Аккурат к Егорову борщу!»

...Прошли ещё несколько жарких июльских дней наших капчагайских каникул. В полдень солнце палило нещадно, ночью не давала спать духота. Температура на солнце зашкаливала за сорок градусов по Цельсию. Впрочем, по местным меркам, нынешнее лето не считалось в этом году самым жарким. О чём я прочитал в заметке, опубликованной в газете «Вечерняя Алма-Ата». Автор замечательно изложил свои мысли по этому поводу: «Нынешнее лето в Казахстане ещё не вступило полностью в свои права. Температура воздуха днём в Алма-Ате ещё не поднималась выше 39 градусов...».

– А сколько же градусов нужно, чтобы лето полностью вступило в свои права? – спросил я у дяди Васи.

– Не знаю, – ответил тот. – Что до меня, так я люблю, когда тепло.

И действительно, казалось, что ни дневной зной, ни ночная духота ему нипочём. По крайней мере, я регулярно слышал ночью его храп, когда пробирался в темноте в ванную, чтобы в очередной раз намочить водой простыню.

Спасало ежедневное купание в ласковом капчагайском водохранилище, где неподалёку от отдыхающих повадилось располагаться небольшое стадо одногорбых верблюдов-дромадёров. Они заходили по колено в тёплую воду залива и медленно цедили её своими вытянутыми губами. Потом выходили из воды и так же медленно и грациозно – вначале подогнув передние ноги, потом задние – осторожно укладывали свои тела на мокрый песок и, уставившись в одну точку, что-то тщательно пережёвывали.

Это соседство не раздражало бы, а наоборот придавало купанию экзотический оттенок, если бы в этом стаде не выделялась одна противная зверюга. Этот верблюд был крупнее и косматее всех остальных и, видимо, выполнял роль вожака. Но страшным было не это, а то, что через равные короткие промежутки времени он издавал совершенно дикие, громкие, трубные звуки, казалось бы, несовместимые с представлением о травоядном животном. Эта скотина регулярно оглашала берег такими невообразимыми воплями, напоминающими рев реактивного двигателя, что отдыхающие поневоле втягивали головы в плечи. Но и с этим соседством пришлось смириться – не жертвовать же купанием и солнечными ваннами, в результате которых наши белые поначалу тела покраснели, а затем покрылись ровным тёмным загаром.

Кроме купания, в городке абсолютно нечем было заняться. Два-три магазина, расположенных здесь, включая самый дальний – на железнодорожном вокзале, были «наполнены», как и во всей стране в те годы, лишь полупустыми полками и товарами, которые не представляли никакого интереса для приезжих. Это было время промтоварного дефицита, когда о появлении какого-то редкого товара говорили, к примеру, так: «Там зимние женские сапоги выбросили, на вас очередь занять?»

Единственным отличием продуктовых отделов в магазинах Капчагая было непривычное для нас изобилие рыбы: вяленая, копчёная, солёная, свежая, мороженая, она поражала такими же непривычными по тем временам названиями. Здесь были осётр и стерлядка, сазан и жерех, лещ и подлещик. И кое-что ещё. Причем цены на всё это изобилие были самые доступные. Наверное, потому, что всё это ловилось в местной реке с названием Или с ударением на последнем слоге, или в образованном ею при строительстве ГЭС огромном водохранилище. Дядя Вася когда-то приносил с завода домой понемногу этого рыбного разнообразия. Так что мы узнали его вкус.

...Вечерами мы частенько пили чай на веранде. А приходящий иногда с работы пораньше дядя Вася любил, пока не позовут на ужин, сживать на лавочке, пристроенной у ворот, выходивших на тенистую улочку посёлка. Курил одну за другой свои любимые папиросы, переговаривался с соседями, обмениваясь разными новостями и сплетнями. Я давно понял, что соседи хорошо осведомлены о неизбывной тяге дяди Васи к розыгрышам и старались не попадаться на его удочку. Но иногда они, что называется, давали слабинку. И дяди Васины способности проявляли себя во всей красе.

Вот и сегодня он пришёл с работы пораньше, и мы с ним сидели на любимой лавочке, никого не трогая. Дядя Вася молча попыхивал папироской, щурился от дыма. Так продолжалось до тех пор, пока в начале улочки не показались две немолодые соседки – одна повыше и посмуглее, другая невысокого роста, белёсые волосы. Они медленно брели по заросшей травой уличной колее, нагруженные авоськами, и о чём-то переговаривались. При виде их дядя Вася как-то внутренне весь вострепнулся, будто сбрасывая с себя дремоту.

Из соседнего переулочка по ходу движения женщин вывернула и тётя Алла. Она тоже возвращалась с работы с поклажей – по всему видно, что заходила в продуктовый магазин. Тётя Алла громко поздоровалась с товарками, они постояли несколько минут, что-то оживлённо обсуждая. Наконец, двинулись дальше, продолжая беседу уже на ходу.

Они шли так до тех пор, пока не увидели мирно сидящего дядю Васю. Когда поравнялись с ним, тётки Аллины товарки кокетливо заулыбались соседу, потом все трое поставили сумки на землю и принялись прощаться. Вот тут чёрт и дернул высокую за язык:

– Вась, а Вась? – позвала она соседа. – А соври нам чего-нибудь, а то больно нам скучно... – и она слегка подбоченилась, выставив вперёд одну ногу.

– И то, Василий, расскажи что-нибудь, – подхватила вторая, лукаво взглянув на дядю Васю.

Дядь Вася дымил папиросой, не обращая внимания, делая вид, что не слышит.

– Васька, чего молчишь, с тобой говорят! – вмешалась тётя Алла.

Дядя Вася вскинул на неё свои светло-голубые глаза, потом внимательно осмотрел каждую по очереди, выпустил струю дыма и самым серьёзным, даже каким-то равнодушным тоном произнёс:

– Я вам сейчас правду скажу, так ведь вы же не поверите...

Все, включая его благоверную, насторожились, тётя Алла, зная характер мужа, напряглась больше других:

– Чего опять придумал?

– А ничего я не придумал. Хотите – верьте, хотите – нет, только в магазине на вокзале тюль сегодня выбросили. Про это пока никто не знает...

– Какую такую тюль? – перебила его белёсая.

– Белую, капроновую, – спокойно ответил он. – На оконные шторы...

– А много ли? – уточнила высокая.

– Вот чего не знаю... – он пожал плечами. – Думаю, до завтра не долежит...

И, отвернувшись от них, прикурил новую папиросу от огонька старой. А старую щелчком запустил вдоль улицы.

– Васька!? – повысила голос тётя Алла.

– Что – Васька! – сердито ощерил он жёлтые от никотина зубы. – Сказал же, правду скажу – не поверите. Да идите вы... – он резво вскочил и исчез за калиткой. Я остался сидеть на лавочке один.

– А что, бабы, тюль-то давно не завозили. У меня все шторы уже пообремхались, давно сменить пора, – сказала высокая.

– И у меня – тоже, – подхватила белёсая. – Алла, мы у тебя сумки оставим и быстренько сбегаем.

– А у меня с собой денег не-е-т, – растерянно протянула высокая. И её помрачневшее лицо стало ещё чернее.

– Ладно, денег я дам, сумки оставляйте, да пойдем быстрее... А то магазин скоро закроют, – в ответственные минуты тётя Алла умела принимать нужные решения.

И вскоре они мелким наметом унеслись в сторону вокзала.

«Не близко, да по такой жаре. Но новые шторы для дома – святое дело!» – подумал я и пошёл в дом. Дядю Васю я увидел на кухне: он налил полную тарелку борща и уплетал его за обе щёки.

– А что, лёлка, тёть Аллу ждать на ужин не будем? – спросила его вышедшая из спальни Галка и потянулась, стряхивая с себя дневной сон.

– Вы – дождитесь, а мне – некогда, дела у меня, – отмахнулся дядя Вася, быстро жуя. Он доел борщ, смахнул со стола крошки и кинул их в рот. Сунул ноги в башмаки и вышел во двор.

Я рассказал Галине о неблизком походе женщин в магазин и предстоящей покупке новых штор. Мы даже мысленно примерили их к окнам дома – те шторы, которые сейчас украшали комнаты, конечно, уже нуждались в замене.

Мы включили телевизор и уселись возле него в ожидании тёти Аллы...

Прошло больше часа – женщины всё не возвращались. Я выходил во двор в поисках дяди Васи, но он как сквозь землю провалился.

Побродив по саду и вокруг дома, я вышел на улицу и присел на скамейку. Вечерело, тени снова стали длинными...

И тут я увидел, как из переулка на улицу вывернули наши женщины. Они не шли, а быстро семенили друг за другом – впереди тётя Алла, за ней – высокая, белёсая замыкала шествие.

– Егор, где этот старый козёл? – налетела на меня тётя Алла. Она уперла руки в бока и стояла надо мной, вся кипя от гнева.

– Это вы про кого? – переспросил я испуганно.

– Васька где, говорю? Убью гада!

– Да что случилось-то? – растерянно спросила выглянувшая из калитки Галя.

– А что, бабы, – вдруг вмешалась высокая, – мы же сами его просили соврать что-нибудь. Сами! Вот и получили! Мы что, Ваську не знаем, что ли?!

Она вдруг глубоко вздохнула, подхватила подол длинного платья и, запрокинув голову далеко назад, во весь голос захохотала.

– Ха-ха-ха, – надрывалась она. – Правду скажу, говорит, не поверите... Ха-ха-ха.

Белёсая тоже подхватилась тоненько: «Хи-хи-хи». Тётя Алла растерянно смотрела на них, гнев сошёл с её лица, на нём появилась вначале оторопь, а потом она еле заметно улыбнулась, улыбка стала шире, и она тоже начала громко смеяться, глухо подкашливая.

Они хохотали на всю округу, высоко вскидывая руки и сгибаясь пополам, ударяя себя по коленкам. Слезы градом текли из их глаз. Наконец смех перешёл в мелкую икоту с отрыжкой. Тут-то на сцену и явился дядя Вася. Он вышел из калитки на улицу бочком, потом развернулся к женщинам, тоже хлопнул себя руками по коленям, присел и принялся хохотать – кха-кха-кха...

– Сами же напросились. Какая тюль в наших краях, какие шторы? – говорил он в перерывах между приступами смеха. – Сроду за ними в Алма-Ату ездили...

И, поняв, что окончательно прощён, он успокоился, отёр усы, позвал:

– Пойдём домой, Алла, обедать надо...

– Так ты обедал уже, дядь Вась, – вставила своё слово Галка.

– А я ещё хочу, да и по сто грамм не помешает, – парировал он.

Эту историю мы со смехом вспоминали ежедневно. А между тем время шло своим чередом, приближался август. И пора было думать о возвращении домой. Для этого надо было идти на вокзал за билетами на проходящий поезд. Мы с Галиной договорились, что сделаем это завтра, а сегодня решили заглянуть в местную кафешку.

Заведение это, честно говоря, особого доверия у нас не вызывало. Но, поскольку пляж уже надоел, а больше податься было просто некуда, мы и пошли в это кафе. Оно было расположено на первом этаже пятиэтажного панельного жилого дома. И выглядело далеко не лучшим образом: давно не крашенные облупленные стены, растрескавшиеся панели, высокие столики без стульев, отсутствие посетителей – всё это говорило только об одном: среди жителей это место не пользовалось успехом. Правда, мы об этом знали, потому что заглядывали сюда уже пару раз – на пирожки. Пирожки с капустой здесь стряпали просто отменные.

– А знаешь, – сказала Галка, придирчиво осмотрев серый от времени фартук официантки, – давай ничего не будем заказывать, а возьмем с собой по паре пирогов. С капустой есть? Свежие?

Официантка хмуро кивнула:

– Есть. Идите сразу на кассу.

Мы подошли к кассе, где восседала молодая черноглазая дивчина. Галка выбрала на витрине пирожки, достала из сумочки кошелек, рассчиталась. И мы довольные двинулись домой, уплетая на ходу

наши покупки. Пирожки доели быстро, не успев дойти до дома. Галка вынула из сумки платочек, чтобы вытереть руки, и вдруг замерла:

– А где кошелёк?! – в её красивых карих глазах тут же закипели слёзы.

– В кафе оставила!..

– Не реви! – приказал я. – Быстро назад...

Мы бегом вернулись к кафе. Странно, но дверь заведения была заперта, на ней висела табличка «Закррито», хотя обед давно прошёл, а до конца рабочего дня было ещё далеко. Я начал вглядываться сквозь мутное стекло внутрь помещения. Там сновали какие-то тени. Мы принялись стучать в дверь. В ответ – ничего. Тогда я принялся пинать по двери ногой. Это возымело действие: размытая тень приблизилась изнутри к двери и крикнула: «Чего надо?»

– Срочно откройте, а то вышибу вашу дверь! – прокричал я в ответ. Наконец дверь чуть приоткрыли. Этого было достаточно: я просунул внутрь стопу, потом рывком открыл вход. Мы вихрем пронеслись мимо растерянной официантки – это была именно она – прямо к кассе.

– Где наш кошелёк? – как можно более грозно рявкнул я.

– Какой кошелёк? – переспросила вышедшая из внутренних помещений крупная белокурая женщина с мясистым лицом, одетая в халат такого же серого цвета, как и фартук официантки. – Никакого кошелька здесь не было!

Галка безудержно разрыдалась...

– А вы откуда знаете, ведь вас здесь не было? – попытался озадачить я её. – Где ваш кассир? Она должна всё знать...

– А нет никакого кассира! – развела руками толстая. – У неё дома проблемы, отпросилась она. И никаких кошельков она не видела!

– А вы позвоните ей, спросите... И, вообще, вы – кто?

– Я-то – заведующая! – подпёрла бока толстая. – А вот вы не скандальте, а то милицию вызову!

– Да мы покупали у вас пирожки. Помните? – повернулся я к официантке. – Помните?

– Ну и что, – равнодушно ответила та. – Ну, покупали, при чём здесь мы?

– Вот и забыли на кассе кошелёк, – тут я уже обратился к заведующей.

– Там – деньги, понимаете? Мы здесь в отпуске. Деньги – на покупку билетов домой. Пожалуйста, верните...

– Ты видела кошелёк? – переспросила толстая у официантки.

– Нет, – покачала та головой. – А, помните, после них баба заходила? – Официантка внимательно посмотрела на свою начальницу.

– Зашла, ничего не купила и ушла. Скорее всего, она и взяла, – убедительно закончила официантка.

– Вот именно, она и взяла, – тут же согласилась толстая. – А как она выглядит, мы не знаем, некогда нам всех рассматривать. Так что ничем помочь не можем... – толстая развернулась и исчезла со сцены.

– Что же нам, в милицию заявление писать? – спросил я скорее себя, чем официантку.

– А пишите, мне-то что. Я ваш кошелёк не брала, – отмахнулась та.

...Мы медленно тащились домой по раскалённой улице. Откровенно говоря, я просто не знал, что теперь делать. Прямых улик, что работники кафе прикарманили наш кошелёк, у нас не было. Местная милиция состоит из местных жителей, которые знают друг друга с детства, и вряд ли нам поможет. Но дело даже не в этом: на что теперь возвращаться домой? Звонить и просить у родителей – стыдно, они и так дали нам денег на эту поездку... Галка то и дело вытирала слёзы, удручённо вздыхая.

Возле дома на лавочке, как обычно, сидел дядя Вася и курил неизменную папиросу. Мы подошли, уселись рядом. Он сразу понял, что что-то случилось, и шутки неуместны.

– Ты чего, Галчонок? – и он ласково погладил её по плечу.

– Ах, лёлька! – только и сумела выдохнуть она. И снова горько зарыдала. Потом, прерываясь, вздыхая и переводя дыхание, начала рассказывать. Я тоже вставлял реплики, уточнял детали.

Дядя Вася курил и молча слушал нашу грустную историю о безвозвратной потере кошелька и, конечно, денег, которые предназначались для покупки билетов.

– Вот что, – сказал он, выслушав всё до конца. – Этих жуликов из кафе не ухватишь. Ясно, что это они деньги хапнули, да Бог им судья! Значит, сидите здесь, я сейчас, – и дядя Вася двинулся к дому.

Он вернулся минуты через три. Я впервые видел на нём синий в мелкую полоску пиджак, надетый поверх рубахи, фиолетовый галстук украшал его худую шею.

– Пойдём! – позвал он нас и, разгладив усы, быстро пошагал по улице. Мы двинулись за ним, томимые забрезжившей надеждой.

– Лёль, а мы куда? – спросила успокоившаяся Галина.

– Куда надо! – не оборачиваясь, бросил дядя Вася. Мы переглянулись и поспешили следом.

Вскоре мы оказались у дома с зелёной вывеской «Сберкасса». Дядя Вася взошёл на крыльцо и остановился, обернувшись к нам:

– Вы со мной не ходите, – сказал он. – Сколько денег-то у тебя было? – спросил у Галки. Та назвала сумму. – Всё, ждите здесь, – и он исчез за железной дверью.

Мы стояли под палящим солнцем и многозначительно переглядывались. Минут через двадцать дядя Вася вышел, двумя руками он держал сберегательную книжку. Подойдя к нам, открыл сберкнижку, вынул из неё купюры и протянул Галине:

– Держи, да больше не теряй... – он привычным движением разгладил усы, вынул папиросу, спички, прикурил и глубоко затянулся.

Галка буквально бросилась ему на шею, тянулась поцеловать.

– Ну-ну, Егора своего лучше поцелуй, – осторожно отодвинул её дядя Вася и с довольным видом направился домой.

– Мы тебе сразу долг отдать не сможем, – сказала ему в спину Галка.

– Как сможете, отдадите. Мне не к спеху, – ответил он, не оглядываясь...

На следующий день мы взяли билеты на уже знакомый разгоряченный жарой, пропитанный пылью скорый поезд Алма-Ата – Новокузнецк. И через три дня стояли на местном перроне в ожидании его прибытия. Нас провожала тётя Алла. Мы пришли на вокзал, навьюченные яблоками, грушами, дынями и даже двумя арбузами довольно приличного веса. Всё это вместе с чемоданами мы сложили горкой прямо на земле. Снова разглядывали вывеску вокзального магазина.

– Это здесь вы хотели прикупить тюль? – насмешливо спросили мы тётю Аллу.

– Да ну вас, и не вспоминайте, – улыбнулась она. Потом нахмурилась и уже, наверное, в сотый раз спросила сама себя:

– И куда этот Васька подевался? Вечно он по-людски не может!

Дядя Вася действительно ушёл из дома с самого утра, не сказавши куда: «Скоро буду», – и всё.

– Скорый Алма-Ата – Новокузнецк прибывает через десять минут, – объявили с вокзала. – Стоянка поезда – две минуты...

– Господи, как же мы всё это погрузить успеем! – заволновалась Галка, тревожно оглядывая нашу кучу багажа.

– Ничего, не вы первые, – спокойно ответила тётя Алла. – Как поезд остановится, садимся в любой ближний вагон. Ты, Галя, в тамбур заскакивай. А мы с Егором будем тебе вещи забрасывать, ты только успевай их от входа оттаскивать...

Как мы грузились в вагон – отдельная история. Хорошо, что, кроме нас, других пассажиров больше не было. Поезд уже тронулся, а мы с тётей Аллой всё бросали вглубь тамбура авоськи с фруктами, арбузы. Наконец я, взмыленный, вскочил на подножку. И в этот самый момент

откуда-то вынырнул дядя Вася. Усы его победно топорщились. В одной руке он сжимал немалых размеров мешок, другой вцепился в поручень вагона и какое-то время бежал рядом с ним. Потом собрался с силами и забросил мешок в тамбур, прямо мне под ноги.

– Это подарок от меня! – прокричал он и исчез из нашего поля зрения.

Поезд набирал ход. Мы с Галкой целых полчаса перетаскивали нашу поклажу и размещали её в своём вагоне. И вот всё заняло свои места, и мы облегчённо вздохнули.

– А что в мешке? – поинтересовалась Галя.

Я понюхал мешок – пахло вкусно. Кое-как развязал туго перетянутую бечевой горловину, запустил внутрь руку и вынул золотистого копчёного, изумительно пахнущего свежим дымком леща. Мешок был доверху набит этой вкусной, страшно дефицитной по тем временам рыбой...

г. Владимир,
июль 2016 г.

(Публикуется по тексту сборника рассказов
«Ёршик с ангиной». – Кемерово, 2017 г.)

Солнечная рыбалка

– Где у вас тут червей накопать можно? – Женька остановил прохожего на узкой тенистой улочке Капчагая – небольшого городка на юге Казахстана.

Тёмноволосый с загорелым лицом мужчина сверкнул раскосыми глазами-маслинами и, пожав плечами, охотно ответил:

– Какие черви в песке да в жаре? А вам они зачем? – задал он в свою очередь вопрос Женьке и Егору.

– Для рыбалки, – ответил незнакомцу Женька. – Тут у вас рыбы, говорят, прорва!

– Так причём тут черви, когда есть блесна, опарыш, тесто, хлебный мякиш, на живца, наконец. Червя здесь не найдёте, парни. На него здесь не ловят. А кого ловить-то собрались? – мужчина запустил загорелую руку под светлую футболку и смачно почесался.

– Это, смотря что тут у вас водится-плавает? – в Женьке до поры до времени дремал заядлый рыбак.

– А у нас чего только не водится, – усмехнулся темноволосый. – Судак, жерех, сазан, осётр есть. А уж леща видимо-невидимо. – Он хитро прищурился, – Вы, поди, из России приехали, рыбаки?

– Да, из Сибири.

– Из Сибири!? – недоверчиво покачал головой незнакомец. – То-то, вижу, бледные вы больно. Ну, тогда вы здесь порыбачите...

Он резко развернулся и пошагал прочь.

– Что он имел в виду? – спросил Егор у Женьки.

Тот пожал плечами. Тогда Егор взял чемодан и двинулся в сторону тёткиного дома. Женька подхватил на плечо свою дорожную сумку и припустил догонять товарища.

Друзья-студенты прилетели сегодня рейсом Новокузнецк – Алма-Ата (в 1970-е это было так просто!). До Капчагая добрались автобусом. И теперь топали от автовокзала к дому Егоровой тётки Аллы. Он, правда, не был ей племянником – это была жена дяди Егоровой жены Галины. Но, несмотря на сложную родственную конструкцию, тётка Алла любила Егора, как родного.

Он любил приезжать сюда – в жару казахстанской пустыни в летние каникулы – один или с женой: погреться на горячем южном солнышке, искупаться в огромном местном водохранилище, которое аборигены именовали не иначе как морем.

В этот раз он сбил с панталыку Женьку, уговорив приехать сюда вместе с ним на недельку, хотя у четверокурсника Женьки были совсем другие планы. Но Егор знал, чем «взять» друга, ещё только начинающего в деле приобщения к модному мужскому времяпрепровождению, но уже страстного любителя рыбалки. Егор наобещал ему рыболовный рай, и, вечно взъерошенный, этот – высокий красавчик и любимец однокашниц – согласился. Егор поклялся, что всё будет просто здорово, пообещал непосредственно участвовать во всех рыболовных священнодействиях, хотя, честно признаться, рыбачить не любил...

Они быстро нашли тёткин дом, окружённый яблонями и грушами. Чистенький и ухоженный снаружи, он говорил об аккуратности хозяйки и глядел на узкую улочку ясными стёклами окон. В огороде

красовались ровные грядки зелени, десятки помидорных кустов украшали розовато-зелёные плоды. Нигде не было видно ни одной лишней травинки.

Женька восторженно разглядывал это буйно растущее царство фруктов и овощей.

– Да тут надо человек десять, чтобы за всем ухаживать, поливать-полоть, – теребя затылок, протянул он.

На двери висел замок: хозяев дома не было. Парни бродили по саду, пробовали на вкус яблоки, съели по крупному сочному помидору. Егор, на правах знающего человека, показывал Женьке тёткино хозяйство.

Но вот стукнула калитка: тётка, крупная, видная женщина лет пятидесяти, вернулась с работы. Они выскочили из кустов сада ей навстречу, она вздрогнула от неожиданности, но тут же заулыбалась:

– Да ну вас, напугали! Здравствуйте вам! Держи, родственничек... – она протянула Егору что-то, завернутое во влажную простыню.

Егор принял немалый свёрток из её рук и почувствовал: в ткани скрыто нечто живое, затрепыхавшееся в его руках.

– Что это, тётъ Алл?

– Рыба! Мужики на плотине поймали. А я у них купила. Надо же гостей дорогих встречать. А это кто с тобой, твой товарищ? – обернулась она к Женьке и протянула ему свою заскорузлую крепкую ладонь. Женька осторожно, но с достоинством пожал её руку и с лёгким поклоном представился:

– Евгений, студент четвёртого курса, учусь вместе с Егором... Если позволите остановиться у вас...

– Позволю, позволю, живите, – приветливо откликнулась тётка Алла. – Только, что же мы стоим? Егор, ты же знаешь, где ключ, отпирай. – Её нос, крупный для женского лица, на простой добродушной смуглой до черноты физиономии покраснел от удовольствия.

Егор знал: тётка любила привечать гостей. Он передал Женьке шевелящийся свёрток, нашарил под ковриком ключ, открыл дверь в дом.

– Холодной воды в ванну быстро наливайте и – туда этого красавца, – приказала тётка. А сама направилась на кухню, загремела там посудой.

Парни шмыгнули в ванную, Егор быстро отвернул кран с холодной водой, заткнул пробкой сливное отверстие. Они в четыре руки опустили шевелящийся свёрток в воду, осторожно развернули его. Это был небольшой осётр, длиной примерно с метр, весом, если на глаз, килограммов на шесть-семь.

– Краса-авец! – восторженно пропел Женька и протянул руку, чтобы погладить рыбу по костяным щиткам хребта. Но как только он коснулся его пальцами, осётр вздрогнул и, плавно поводя хвостом, двинулся вдоль ванны, пошевеливая усами, украшающими удлинённое рыло.

– Живой! – заорал Женька.

– Чего орёшь? – сердито прервала его восторг вошедшая в ванную тётка. В правой руке она держала молоток для отбивания мяса, в левой – большой кухонный нож. – Ну-ка идите-ка отсюда, руки помойте на кухне, телевизор включите, пока я его готовить буду.

Парни ретировались в комнаты, осматривая обстановку. Вскоре из кухни по всему дому разнёсся вкусный запах жареной рыбы.

...За обеденным столом сидели чинно-блинно. Тётка наvertела салатов из зелени, нарезала крупно алые помидоры, сыр, хлеб большими ломтями. Середину стола украшало большое блюдо со здоровенными белыми ароматными кусками рыбы. Парни такой в жизни не едали! Уплетали за обе щеки. Всё это запивали холодной водочкой: бутылку тётка достала из холодильника, спросив строго: «А вам уже можно?!» – на что они утвердительно закивали головами, как два китайских болванчика.

Когда первый голод сошёл, а блюдо с рыбой и бутылочка наполовину опустели, тётка приступила к расспросам. Егор рассказывал о семейном житье-бытье, о родне и других сибирских новостях. Тётя Алла часто его перебивала, уточняла, вставляла свои реплики и комментарии. При этом она не забывала подкладывать гостям в тарелки, подливать в рюмки. Когда новости кончились, перешли к теме предстоящего отдыха.

– Купаться будете, загорать? – спросила она парней.

– Нет уж, – ответил первым Женька. – Лично я на рыбалку приехал. Завтра по зорьке на ваше море пойду, удочку закину. Вот только, говорят, черви у вас тут не водятся...

Егор качнул головой, соглашаясь.

– Много ты на море наловишь с червями, да ещё на удочку! – перебила тётка Женьку. – Тут бригады с рыбзавода на баркасах ходят, сетями ловят. А червей, при желании, найти можно, хоть и песок кругом. Помнишь, где у меня картошка в саду растёт? – повернулась она к Егору. – Там копните, должны быть черви.

Тётка на минуту задумалась, подперев голову своей крупной загорелой рукой, потом заулыбалась, жмуря от удовольствия карие глаза:

– Ладно, будет вам хорошая рыбалка! На работу вас завтра возьму с собой на ГЭС... Вот где рыбалка так рыбалка! – И она такхватила ладонью по столу, что посуда зазвенела.

Тётка, сколько знал её Егор, работала на местной гидроэлектростанции, в бригаде штукатуров-маляров. Станцию строили уже несколько лет. Её плотина перекрыла местную реку Или, берущую своё начало в далёких горах Китая. В пустыне образовалось огромное водохранилище длиной 180, а шириной – все 20 километров. Именно здесь было любимое место отдыха приезжающих алмаатинцев и местных капчагайцев, конечно, там, где можно купаться, загорать и, само собой, рыбачить.

– Если наелись, – тётка торопливо встала со стула, – давайте собираться на рыбалку. Егор, удочки посмотри в кладовой. Про червей – поняли? Но лучше я за хлебом сбегаю, пока магазин ещё открыт. Она лучше всего на хлеб клюёт...

Тётка ушла в магазин. А Егор с Женькой заглянули в кладовую. Какого только хлама здесь не было?! Тусклая лампочка высветила развешенную по стенам старую одежду, коробки со стоптанной обувью, замызганную газовую печь с двумя конфорками, сломанные стулья и табуретки и много чего ещё. В дальнем углу стояло несколько крепких самодельных, оснащённых уже, удилищ. Парни выбрали себе по одному и вынесли их на крыльцо.

Женька ловко управлялся со снастью: размотал леску, к которой были прилажены три крючка чуть меньше средней величины. Роль грузила выполняла обыкновенная гайка. «Сделано просто, зато – надёжно!» – удовлетворённо хмыкнул он.

Егор же себя даже любителем рыбалки назвать не мог. Не любил он это дело – и всё тут. Охотку отбило ещё в детстве, когда его пару раз брал с собой на рыбалку отец. При виде бьющейся на крючке рыбы на него накатывала жалость к этой обречённой живности. Хотя кушать её он любил, причём, во всяком виде.

– Я тебе помогу снасть приготовить, не переживай, – успокоил вздыхающего Егора Женька. – Ты у меня завтра станешь заправским рыбаком! – пообещал он многозначительно.

Решили прислушаться к советам местных и червей не копать... Вернулась из магазина тётка: купила две огромные булки местного белого хлеба, от которого вкусно пахло свежей выпечкой.

– Тёть Алла, а зачем на удочках по три крючка? – спросил Женька.

– Так она гуртом на наживку кидается, клюёт, как сумасшедшая. Ей, чем больше наживки, тем лучше... Завтра сами увидите.

Тётка основательно собирала ребят в предстоящий поход. «Откопала» в кладовой большой – ведра на два живой рыбы – старый ржавый

садок: «Давно уж им никто не пользовался», – объясняла по ходу. Приготовила два холщёвых мешка: «Рыбу в них потом сложите, не в садке же её домой везти». На ноги подобрала им удобные шлёпанцы с завязками: «Кроссовки свои там поуродуете». Нашла в шифоньере какие-то две стародавние рубашки с длинными рукавами. Две заношенные выцветшие кепки.

– Зачем? В них же жарко по такой погоде, – удивились парни.

– В ваших футболках руки погорят на солнце, – категорично отрезала она. – И головы напечёт...

Тётка с вечера приготовила им бутербродов с сыром, огурцами, сложила в авоську. Туда же примостила с десяток помидоров: «А с утра в термос чаю налью».

– Ещё паспорта с собой не забудьте, обязательно возьмите, – велела она.

– Тётъ Алла, зачем? – удивился Егор.

– ГЭС у нас – штука серьёзная, там охрана. Документы проверяют. Я скажу, что вы – мои племянники. Но, на всякий случай, возьмите, с паспортами надёжнее.

Женька с Егором положили свои паспорта на видное место, чтобы не забыть.

За хлопотами вечер пролетел быстро. Они ещё помогли тётке полить сад и огород, благо, делать это было не трудно: с помощью шланга, по которому глубинный насос качал воду из скважины.

Тётка постелила Егору на диване в гостиной, Женьке там же досталась раскладушка. «Ложитесь пораньше, завтра подниму в пять», – она плотно закрыла дверь и погасила свет в коридоре, чтобы не просвечивал через дверное стекло.

Заснули парни быстро: день был длинным – с перелётами, переездами, да ещё с хорошим обедом... Тётка, заглянувшая в комнату через несколько минут, с удовлетворением услышала их ровное сопение, тихонько пошла убираться на кухне.

...Ровно в пять утра она легонько постучала в двери гостиной. Женька вскочил сразу, как ванька-встанька, а Егор ещё несколько минут потягивался, кулаками тёр заспанные глаза. Однако собрались они, на удивление, быстро. Наскоро проглотили приготовленную яичницу с салом. Упаковали еду и термос, и всё остальное в рюкзак. Кепки сунули туда же. Женька навьючил этот немалый рюкзак на плечи, Егор нацепил на левую руку свои старенькие часы, взял снасти. «Паспорта!» – одновременно вспомнили они. Женька положил свой паспорт в нагрудный карман рубашки, Егор засунул свой в задний карман джинсов. Тётка просила надеть на ноги носки, но они наотрез отказались: «И так жарко!»

– Ну смотрите, не пожалейте потом, – пробурчала она.

– Тётъ Алла, что вы с нами, как с маленькими, – приобнял её Егор.

Они прошли узкой улочкой, свернули в переулок и вскоре вышли на шоссе. День обещал быть жарким и безоблачным. Впрочем, в летние месяцы о дождях в этих краях и не мечтали.

Несмотря на раннее утро, солнце уже начинало припекать, но дувший с моря ветерок ещё приятно охлаждал кожу. Прямо за шоссе расстилалась – километра на два – пустынная степь, перемежаемая низенькими серо-зелёными кустиками, а дальше, до самого горизонта, тянулась, поблёскивая, бесконечная водная ширь. И над морским горизонтом, будто мираж, подёрнутые лёгкой дымкой, «висели» в воздухе далёкие горные вершины со спящими глаза яркими белыми головами.

Парни едва поспевали за широко и споро шагавшей вдоль обочины тёткой. Вскоре дошли до остановки, где уже стояли в ожидании несколько женщин и мужиков.

– Ну, Алка, ты даёшь! Сразу с двумя ухажёрами! – воскликнул кто-то, и «остановка» громко, но безобидно заржала. Все уставились на тёткиных спутников.

– Да! – ответила довольная раскрасневшаяся тётка. – Племянники мои. Вон, какие молодцы! А вам завидно, – казалось, даже её большой нос задвигался от удовольствия. – Взяла вот – порыбачить...

– Это хорошо, – одобрил невысокого роста мужичок. – Рыбки на ГЭС много. – Он одобрительно покивал головой.

Тут подошёл автобус с табличкой «Служебный» в левом углу лобового стекла. Народу в нём было немало, но места хватило всем. Вскоре Капчагай остался далеко позади. А горная гряда от линии горизонта придвинулась ближе, стали различимыми далёкие скалистые хребты.

– На станции ведите себя осторожно, – наставляла тем временем тётка.

– На плотине долго не задерживайтесь. Тем более что там ловить нельзя, там рыбнадзор дежурит. И возле плотины – нельзя. Надо от неё уйти ниже по течению километра на два, тогда ловите, сколько влезет.

– Ещё не забудьте, что в восемь утра включают все турбины: сразу заметите, как вода начнёт прибывать. Смотрите, чтобы вас в воду не смыло, там течение сильное, вода холодная! И не опоздайте на автобус, он отходит ровно в пять вечера...

Парни кивали ей, слушая вполуха. Они вертели головами, рассматривая окружающий унылый пустынный пейзаж. Ровная лента шоссе легко и быстро ложилась под колёса... Но вот, кажется, ещё минуту назад автобус мчал среди пустыни, как внезапно надвинулись крутые скалы.

– Смотри! – крикнул Женька. – В горах пушки стоят!

– Это зенитки, – уточнил кто-то. – Охраняют станцию от воздушного нападения.

– Да? – удивился Егор. – Тут всё серьёзно!

Автобус через распахнутые решётчатые створки ворот въехал на территорию станции, покатил к проходной. Водитель открыл двери и сразу же в салон ворвался глухой гул, идущий от этого гигантского сооружения. Высоко возвышалось машинное здание ГЭС.

Пассажиры гуськом потянулись через проходную на рабочие места. Тётка придержала ребят: «Не спешите».

Они последними подошли к турникету.

– Здравствуй, Михалыч! – почти торжественно обратилась она к полному пожилому седому вахтёру в форме охранника и в фуражке с кокардой, который сидел в стеклянной будке рядом с турникетом. – Это мои племянники, – показала она на парней. – Вот, порыбачить хотят. Дело молодое, каникулы, сам понимаешь... Пропусти, а порядок я гарантирую. Ты же меня знаешь!

– погоди, Алла, – вахтёр хмуро глянул на неё выцветшими от яркого солнца глазами. Ты же знаешь, здесь режимный объект, – осадил он тётю Аллу. – Я не могу!

– Михалыч, это же мои парни, а не шпионы. Пацаны они ещё, я за них ручаюсь, как за себя! – тётка прижала обе руки к сердцу. – Ну, ты же пропускаешь своих рыбаков, я же знаю...

Михалыч снова посмотрел на неё, теперь долгим взглядом, потом хмыкнул и повернулся к притихшим Егору с Женькой, которые смотрели на него преданными глазами.

– А документы у них есть? – хитро прищурился вахтёр.

– Есть! – хором ответили парни и протянули ему свои паспорта.

Он долго и придирчиво рассматривал документы, сверял фотографии с оригиналом. Потом вздохнул, вернул им красные книжечки:

– Сибиряки, значит?

– Ага, – ответила за них тётка, а парни закивали головами.

– Ладно, – сказал Михалыч, потом, выдержав паузу, добавил, – проходите. Но, чтобы никаких безобразий. На плотине не баловать! С боковых площадок не рыбачить, запрещено! Идите вниз по реке – подальше, там можно. Там и рыбы навалом... – и он открыл перед ними рукоятку турникета.

Тётка вела их по длинному коридору – навстречу всё усиливающемуся рокоту. Вскоре она свернула в какую-то дверь, и они вышли на полукруг плотины, который на всю свою полукилометровую длину был «забран» металлическим ограждением. Грохот падающей воды здесь перекрывал все остальные звуки.

Парни со страхом приблизились к ограждению и глянули вниз. Из широких щелей-разрезов, расположенных в нижней части гигантской, метров в пятьдесят высотой стены, с глухим рёвом вырывалась вода. Там, в воздухе, стоял туман от водяных брызг. Мощные потоки падали в огромное озеро-чашу нижнего бьефа, где, казалось, сама преисподняя кипела и бурлила так, что если на неё смотреть непрерывно, начинала кружиться голова и давило в ушах.

Створ Капчагайской ГЭС строители соорудили в узкой горловине реки Или – между скал горного хребта, который река пробила за многие тысячелетия. Ночью на станции работала одна гидротурбина: потребность в электроэнергии в ночное время суток в Алма-Атинской области была невысокой. Зато, когда на заводах и фабриках казахской столицы начиналась утренняя смена, все четыре агрегата ГЭС включали на полную мощность.

...Из озера-чаши вода упруго вырывалась и неслась с бешеной скоростью – резко поворачивая влево – между высоких каменистых берегов речного русла. И только километрах в двух-трёх от плотины река успокаивалась, замедляя бег своих вод на подходе к равнинному пути на север.

Красота и мощь колоссального рукотворного сооружения завораживала. Егор с Женькой молча любовались этой грандиозной картиной. Они не заметили, как рядом с ними оказался высокий мужчина в тёмной форме инспектора рыбоохраны. Он помотал перед их физиономиями поднятым вверх указательным пальцем и прокричал:

– Здесь ловить нельзя! Идите вниз – вдоль реки! Туда, – он махнул рукой, указывая, куда надо идти. – Я покажу, – и Женька с Егором двинулись вслед за ним к спуску с плотины.

– Тут ловить нельзя, – объяснял на ходу рыбоохранник, – но рыбы у плотины больше всего. Её страшным напором просто глушит, затягивает под плотину. Надо бы заграждения из металлотетки, а их нету! Вот её и глушит – онадохнет! Когда турбины на ночь останавливают,дохлой рыбы полно по реке уносит, – перекивая рёв воды, рассказывал он. – Но ловить тут всё равно нельзя! Опасно!

Вскоре парни уже самостоятельно пробирались ниже по течению по пустынному каменистому правому берегу, на котором не видно было ни деревца, ни кустика. Только утреннее солнце уже нагрело береговые камни. Шум работающей гидроэлектростанции стал заметно тише.

– Всё, – решительно остановился Женька, – привал, пробуем ловить!

Он быстро спустился с крутого, заваленного обломками камней, склона к самой воде, присел на корточки и опустил ладони в быстрый поток:

– Холодная! – он отдернул руки, отряхнул их, снял рюкзак, рубаху, вынул сверток с едой, фуражки, садок из металлической сетки, мешки под рыбу, булку хлеба, предусмотрительно завернутую тёткой во влажное полотенце. Хлеб он разломил пополам, половину булки протянул Егору. И начал разматывать свою удочку. Глядя на него, Егор тоже скинул свою рубашку и размотал леску.

Они были разными, эти студенты. Женька – ростом выше, костью шире, тёмноволосый. А Егор – светлый, среднего роста, жилистый. Но в одном были схожи – и это прекрасно стало видно, когда разделись до пояса – оба были белокожи. Одно слово – сибиряки, а в том краю, видать, солнышка маловато...

Женька откусил от булки, пожевал, потом выплюнул в ладонь нажёванное, отщипнул кусочек, скатал хлебный шарик, нацепил на крючок. Таким же способом наживил и два других крючка, на глаз

отрегулировал высоту каждого из них, высоту поплавок, закинул удочку и уставился на поплавок. Тот качнулся, выпрямился в воде и поплыл по течению. Ещё не успела натянуться леска, как поплавок резко ушёл под воду. Женька ловко подсёк и выбросил на берег леща – длиной в две ладони, весом граммов семьсот, с сероватой спинкой, золотисто-коричневыми боками и желтоватым брюхом.

– Вот это да!!! – громко зашептал Женька. – Вот это красавец!

Он снял рыбу с крючка, положил её, изгибающуюся, в садок, пристроив садок к воде. Все крючки на его удочке были голыми. Он снова начал наживлять на них хлебные шарики.

– Чего стоишь?! Закидывай, давай! – рявкнул он на Егора.

Тот суетливо размотал свою удочку, так же, как Женька, нажевал мякиш от своей половины булки, положил хлеб на камень – подальше от воды. Скатал три хлебных шарика, насадил на крючки и забросил удочку чуть ниже Женьки. А тот уже доставал очередного – не меньше килограмма – леща, задыхаясь от азарта и настоящего рыбацкого счастья.

У Егора задрожали руки, когда он почувствовал мощный рывок лески. «Подсекай!» – заорал Женька. Егор дёрнул, но из воды вынырнули, блеснув на солнце, голые крючки.

Между тем, Женька выудил очередную рыбу. И снова забросил. Егор – следом за ним, клюнуло в тот же миг, он торопливо подсёк и выкинул леща на берег:

– Ха! – выкрикнул он и вскинул вверх сжатую в кулак руку. – И мы можем не хуже!

– Давай, не зевай! – откликнулся Женька.

Рыба клевала, как сумасшедшая. Парни были на высоте от счастья и только успевали забрасывать снасти. В садке уже плескалось с десятков хороших, крупных рыб – мелких Женька приказал не брать, выпускать обратно в реку...

Рыбалка так увлекла, что они даже не обратили внимания: звук работающей гидростанции изменился, стал более грозным и громким. Егор почувствовал что-то неладное, когда заметил, как уровень воды начал быстро подниматься. Буквально в считанные секунды они оказались по колени в стремительном потоке.

А вода прибывала! Вот уже поплыли их рубашки, фуражки, Женькина половина булки, рюкзак и авоська с едой. Парни на мгновение растерялись. Женька очнулся первым, он сиганул в разом помутневшую воду – едва ли не по пояс, выхватил садок, потом удилищем подхватил уплывающие холщевые мешки.

– Чего стоишь? Хватай свой хлеб! – он с трудом вылез из воды на камни, волоча за собой спасённые вещи. Егор тоже поднялся на берег повыше, крепко прижимая к животу оставшиеся полбулки и удочку. Уровень потока всё рос, быстро заполняя берега, река прямо на глазах стала шире и как будто ровнее... Так продолжалось минут десять-пятнадцать.

Наконец, вода перестала прибывать и посветлела у берега. Парни переминались с ноги на ногу, подсчитывая убытки.

– Паспорт-то мой – того, тью-тью, уплыл вместе с рубахой, – обречённо махнул рукой Женька.

– Да ты что?! – вытаращился на него Егор. Он похлопал себя по карману джинсов, удостовераясь, что его документ на месте. – И как теперь?

– Не знаю, – скис Женька. – Кто меня теперь в самолёт пустит?

Он опустил на камень и принялся кидать в воду маленькие камешки. Егору его было так жаль, что он от волнения не заметил, как откусил хлеб и стал жевать.

– Эй, не смей жрать хлеб – это наживка! – ругнулся Женька.

– Да какая теперь рыбалка?! – сник Егор.

– Лично я никуда отсюда не уйду! – отрезал Женька. – Я такого клёва в жизни не видел! Твоя удочка цела?

– Вон валяется, – показал Егор, а сам внимательно всматривался в водный поток.

– Чего высматриваешь? Думаешь, мой паспорт всплывёт, – пошутил Женька.

– Нет, ты посмотри сам, – Егор ткнул пальцем в сторону непонятного большого пятна, которое расплывалось по воде недалеко от берега, двигалось, вытягиваясь, и колыхалось, вспыхивало тут и там золотистыми бликами...

– Женька, да это же рыба! – заорал он не своим голосом. – Её ловить надо!

Действительно, недалеко от места, где они стояли, под водой медленно продвигался рыбий косяк, кажется, что даже слышно было чавканье этой кормящейся живности.

– Давай, давай, давай, – как молитву начал шептать Женька. Он быстро закрепил на новом месте садок с уловом, надёжно придавив его большим камнем. Наладил свою удочку, выхватил у Егора хлеб, откусил, нажевал, скатал три маленьких шарика, наживил на крючки и забросил...

Кажется, крючки ещё не успели коснуться воды, как клюнуло, и Женька ловко подсёк. В воздух взметнулись сразу две рыбины, изгибаясь и переливаясь на солнце.

– Вот это да-а! – ошалело протянул он. Быстро побросал рыб в садок, насадил наживку, забросил в самую середину рыбьей стаи. И снова вытащил леща...

– Не стой, давай, помогай! – скомандовал другу, не отрывая взгляда от поплавка.

А Егор и не стоял. Он тоже ошалел от такого невиданного рыбацкого «кино». Ему тоже вдруг так захотелось поймать рыбку, что аж под ложечкой засосало. И пускай чуть реже, чем Женьке, ему сопутствовала удача: мастерства и сноровки было поменьше, – но и он нет-нет да и подбрасывал в садок свой улов.

А солнце пекло вовсю.

– Ты наш хлеб водой намочи, а то засохнет – и рыбалке привет, – приказал Женька Егору. Тот подержал в реке остатки булки, потом спрятал её от солнечного зноя в тень камня.

Но, если хлеб ещё можно было спрятать от палящих прямых лучей, то прятать свои полуголые тела в тень парни были не в состоянии. Её здесь, на открытом месте, просто не было. Южное солнце жгло нещадно. К полудню плечи, шея, спина и живот, руки, верхняя часть стопы и даже кончики пальцев, выглядывающие из шлёпанцев, стали пунцовыми. Лица, особенно лбы и носы, и уши горели малиновым цветом.

Они пробовали окунаться в воду, чтобы хоть немного снизить температуру на поверхности кожи. Но этого хватало ненадолго, буквально, на несколько минут. Потом Егор придумал надеть на головы мешки, прикрыв ими и плечи, снять джинсы и закрыть ими спину. Стало легче. В таком виде они продержались ещё час-полтора, но за это время успели докрасна обгореть их белые ноги. К ногам стало невозможно прикоснуться, а если они окунали ноги в холодную воду, жжение, казалось, только усиливается.

Они промучились ещё с полчаса. Женька закидывал удочку чаще, Егор – лишь время от времени. Клёв почти прекратился. Настроение резко упало, ожоги основательно давали себя знать...

– Слушай, а который час? – сквозь зубы процедил Женька. Егор впервые за день глянул на часы и ахнул:

– Без четверти четыре! Надо быстрее сматываться, на автобус опоздаем!

Они выволокли из воды на берег набитый рыбой садок. Егор расправил мешки, а Женька начал раскидывать в них рыбину за рыбиной: одну – налево, другую – направо... Лещи падали в мешки, трепыхались там, шлёпая хвостами, замирали. В общей сложности насчитали 97 штук.

Егор вначале отказывался делить улов поровну, всё-таки он поймал меньше товарища, но Женька убедил, что так нести легче, а дома разберёмся...

Они быстро свернули удочки, взяли их под руки, подхватили на обожжённые плечи мокрые увесистые мешки, Женька ещё прихватил опустевший садок, и припустили как можно скорее в сторону плотины. Если утром, налегке, они не замечали, что берег густо усеян каменными обломками, то теперь под ногами чувствовался каждый выступ.

Плотина приближалась медленно, но неуклонно. Вскоре она уже высилась перед ними ревущей громадой. Парни из последних сил карабкались по бетонным ступеням, по раскалившимся от солнца перекладинам металлических лестниц. Наконец, взобрались на самую верхнюю площадку, с которой утром любовались грандиозным рукотворным пейзажем.

Только хотели сбросить мешки, чтобы перевести дух, откуда-то на них налетела разгоряченная тётя Алла:

– Вы чего плетётесь! Люди ждут! Все с работы, устали, ругаются! – зашумела она, перекрикивая шум воды, и вдруг осеклась на полуслове. – А чего это с вами? Сгорели, нафиг! А ведь я говорила, говорила! А где рубахи, кепки? Так вас – растак!

– Всё уплыло! – крикнул ей в самое ухо Егор.

Тётка поняла, перестала ругаться.

– Идём скорее, дома разбираться будем! – Она взвалила на плечо Егоров мешок, схватила удочки, парни подхватили второй мешок и побежали по коридорам машинного здания – на выход.

Турникет Михалыча проскочили сходу. Выбежали на улицу, прямо к раскрытым дверям автобуса. Народ в салоне сердито загудел: «Вы что, студенты, оборзели!» «Совсем совесть потеряли!» «Их тут все ждут, а они, вишь ты, удовольствие получают!» «Загорают, е... отпускники!»

Но, при виде пунцовых, обгоревших парней пересуды смолкли. Потом галдёж возник снова: женщины всплёскивали от жалости руками, мужики качали головами, жалея парней. «Как же вы?!» – заголосила одна из самых сердобольных. Кто-то протянул им свои спецовки: набросьте на плечи...

Женька накинул на себя чёрную спецовку, поморщился. А потом вдруг повернулся ко всему автобусному салону и, кисло улыбаясь-морщась от боли, прокричал, перекрывая гул голосов:

– Зато какая рыбалка была! Я такой рыбалки в жизни не видел!

Автобус замер на секунду от неожиданности, а потом громко, раскатисто захохотал на разные лады...

...На остановке их провожали, как героев, пожимали руки, хлопать по плечам не насмелились, но слова поддержки и сочувствия неслись со всех сторон.

Тем не менее, когда парни ступили из автобуса на землю, из них словно выпустили воздух: эйфория от удачной рыбалки прошла, навалилась усталость, ожоги горели не на шутку, во рту с утра не было и крошки.

До дома дотащились кое-как, тётка вышагивала впереди, неся на плече один мешок и удочки, а Егор с Женькой из последних сил тащили второй мешок с рыбой.

А тут ещё Егор сообщил тётке, что Женькин паспорт тоже уплыл...

– Эх вы, недотепы! Говорила же, что вода быстро поднимется, даже время назвала! Какая неосторожность! Хорошо, хоть самих не унесло! Как теперь без документа?! – ворчала она. Парни вяло оправдывались: ошалели, мол, от такого клёва, про всё забыли...

Дома они совсем занемогли. Егора подташнивало, у него кружилась голова, Женьку морозило. На обгоревших участках кожи пошли волдыри.

Тётка охала, то и дело всплёскивала руками, суежилась. Для начала она дала им по две таблетки аспирина и по две – анальгина, потом

приготовила зелёный чай в большом эмалированном чайнике и заставила их выпить не меньше, чем по три чашки. По очереди обильно намазала каким-то кремом из керамического горшочка с мудрёным названием, написанным на боку посудинки, который унял боль и жжение. Потом натёрла на тёрке несколько сырых нечищенных картофелин, выложила получившуюся кашу на порезанный на ленты широкий бинт и, как могла, замотала обожжённые места. Ощипала стоящий на окне куст алоэ, ножом порубила на кусочки его веточки и натолкла их толкушкой. Эту смесь она тоже осторожно стала накладывать на их плечи, руки и на лицо.

Боль и зуд ушли на второй план, и парней начало клонить в сон. Они сидели рядом перед тёткой, а она хлопотала над ними, поворачиваясь по очереди от одного к другому.

– Сейчас будем ужинать, – наконец сказала она.

– Я не хочу, лучше прилягу, – пробормотал Егор с закрытыми глазами, Женька его поддержал.

– Вот уж нет! – отрезала их тётка. – Спать будете только после еды.

Она быстро накладала на стол помидоров с огурцами, зелени, выставила жареные куски вчерашнего осётра, хлеб. Хитровато прищурилась:

– Я вам по рюмочке налью, с устатку да для аппетита...

Достала из холодильника недопитую бутылку, налила по рюмкам, сама тоже выпила, от удовольствия сморщив нос. Аппетит, действительно, пришёл, причём, зверский. Парни принялись уплетать за обе щеки. А тётка, подперев голову рукой, смотрела на них с материнской лаской.

– А что вы с рыбой-то собираетесь делать, – спросила она, когда они утолили первый голод.

– Я не знаю, – пожал плечами Егор. – Пусть Евгений решает, он у нас главный рыбак...

– А что, тетя Алл, – спросил Женька, – вы нам посоветуете?

- Вялить надо, – сразу откликнулась она. – Иначе пропадёт ваша рыба!
- Вялить? – растерянно переспросил Женька. – А как? Что делать надо?
- А ничего, – фыркнула тётка. – Спать ложитесь. Я сама...

Она помогла им снять лоскуты бинтов, по очереди осторожно обтёрла их большим влажным мягким полотенцем. Потом снова намазала обгоревшие места мазью.

- Намочите простыни тёплой водой, укутайтесь и ложитесь.

Парни поплелись выполнять указания, вскоре со стонами и охами улеглись и... быстро заснули.

А тётка вышла в тёмный уже сад, где-то за домом отыскала огромный металлический чан. Она долго драила его раствором пищевой соды, полоскала водой. Потом притащила его на освещённую веранду, поставила возле него табурет, два ведра: грязное – для отходов, чистое – со свежей водой, подтянула к себе мешки с рыбой.

Она вспарывала рыбину, очищала её от внутренностей, обмывала в ведре, надрезала изнутри вдоль позвонка, расправляла лепёшкой, натирала крупной солью и укладывала в чан. Потом обильно пересыпала слой рыб солью и снова укладывала слой распластанных рыб.

Когда вся рыба была обработана, тётя Алла встала, широко потянулась. Вышла во двор и в темноте глубоко закопала в песчаную почву рыбу требуху. Потом приготовила «рассол»: круто посоленную воду, – вылила её в чан, чтобы эта смесь полностью закрыла рыбу. Нашла в кладовой крышку от большого эмалированного бака, отмыла от пыли и накрыла засоленный улов, придавив его немаленьким валуном, который, видимо, за этой надобностью и лежал у крыльца.

Когда тётка ложилась в кровать, на востоке уже занималась заря. А парни спали беспокойно, просыпались по очереди, вставали, мочили высохшие простыни и, завернувшись, снова забывались тяжёлым сном.

...Егору снилась рыбалка. Он стоит на берегу небольшой бурной речки с удочкой, ловко закидывает пустой крючок, на который тут же клюёт рыба. Он её профессионально подсекает, но она раз за разом срывается в воду. Егор торопится её поймать, потому что за спиной разгорается пламя костра. Он постоянно оглядывается на него и видит, что огонь подбирается всё ближе, всё нестерпимее палит спину, плечи, руки, ноги. Отойти он не может и... просыпается.

Обожжённое тело даёт о себе знать. Простыня снова стала сухой. Он кое-как поднялся с постели, намочил её в ванной и улёгся снова.

Они с Женькой встали, когда солнце поднялось уже высоко. Дома было тихо, тётка ушла на работу. На кухонном столе, накрытый вафельным полотенцем, стоял завтрак. Рядом – вчерашний горшочек с мазью. В записке тётка размашистым почерком оставила парням инструкции: съесть всё, что нравится, намазать тело мазью, на солнце не выходить ни при каких обстоятельствах.

Так они и провели этот день – в постели, да за едой из холодильника. Волдыри на обожжённых местах лопались, исходили влагой, всё тело зудело, а сгибы рук и ног, казалось, были сделаны из резины. У Егора смешно шелушился красный нос, за что Женька ехидно поддевал его репликами.

Они нашли в тёмной кладовой чан с засоленной рыбой. Его трудно было не найти, ведь от него по всему дому распространялось рыбное благоухание. Женька и нашёл его по запаху, включил в кладовой лампу, открыл чан, предварительно, вытащив камень, втянул в себя рыбий дух. Позвал Егора: посмотри, что тётка Алла с нашей рыбой сотворила!

Потом они лежали в постелях и мечтали о том, как будут дома есть вяленого леща, запивая пивом, угощая рыбой оторопевших от радости друзей и знакомых.

Ближе к семи вечера с работы вернулась нагружённая авоськами тётка. Она придирчиво осмотрела раны парней, снова смазала их чудодейственной мазью и принялась готовить ужин.

- Тётя Алла, а когда рыбу можно будет попробовать? – спросил Егор.
- Очень хочется!
- А какой сегодня день? – ответила она вопросом на вопрос.
- Вторник, – вспомнил Егор.
- Так вот, раньше четверга к рыбе не подходите.
- И я ему говорил, что дня три солиться будет, – вставил реплику Женька...

Следующие дни они опять сидели дома: ели, валялись на своих лежанках. Или всерьёз занимались новым, но сразу понравившимся делом: снимали с себя и друг с друга лоскуты отстающей кожи, под которыми открывался новый розовато-тёмный нежный кожный покров. Эта процедура вызывала у них разные ощущения. И если Женька «снял» с себя сгоревшую кожу с молчаливым сопением, то Егор, отрывая от себя очередной клочок, жалостливо повизгивал и покрывался пупырышками.

В четверг вечером тётка зашла в кладовую, выдернула из-под гнёта одну рыбу, потянула её одной рукой за хвост, другой за голову. Раздалось лёгкое похрустывание. Она удовлетворённо кивнула головой и велела переместить чан с рыбой из кладовой в ванную. Там они вместе промывали каждого лещика проточной водой и складывали распластанные тушки в большую картонную коробку из-под телевизора.

Тётка принесла рулон бечевы. «Пойдёмте», – позвала она ребят в сад. Она ходила между плодовых деревьев и будто прислушивалась к чему-то. Парни молча следовали за ней.

- Здесь, – тётя Алла остановилась возле старой высокой яблони.
- Что здесь? – не понял Егор.
- Сквознячок здесь, вот что. Бечёвку тут натянем, рыбу будем вялить.

Она принесла бечеву и ножницы, отмерила расстояние от яблони до ствола другого дерева, по мерке ловко отхватила ножницами от

рулона пять отрезков. Потом вынула из кармана своего халата несколько кусочков проволоки, прикрепила проволоку к одному из концов каждого отрезка бечевы. «Готово, – произнесла с удовлетворением. – Давайте-ка рыбу на крыльцо».

И пока парни выносили из дому коробку, она застелила крыльцо старой чистой простыней. На эту выдавшую виды ткань выложили ровными рядками распластанных лещей. При этом тётка успела рассортировать их: тех, что крупнее – в один ряд, помельче – в другой. – Теперь берите по старой газете и отгоняйте мух, – строго наказала парням. – Дело серьёзное, сядет муха на рыбу, отложит яйца – привет вашей рыбалке и всем вашим мучениям!

Егор с Женькой быстренько нашли в доме по старой газете, свернули их в трубочку и принялись размахивать над своими рыбными богатствами.

Махали часа два, даже близко не подпустили ни одной мухи, хотя те, почуяв наживу, роились вокруг табунами. Солнце уже коснулось горизонта, когда тётка вышла из дома на крыльцо. Потрогала одну рыбу, посмотрела на свет другую, понюхала третью: «Пойдёт».

Вынула из карманов мотки бечевы с прикреплённой проволокой и начала ловко нанизывать на них рыбин, протыкая проволокой им глаза. «Помогайте», – кивнула парням. Те принялись помогать. На четыре бечёвки нанизали по двадцать рыб, на пятую – семнадцать. Потом уже в темноте, подсвеченной из окон дома, осторожно и тщательно привязывали бечевки с уловом к стволам выбранных деревьев – один ряд рыб над другим.

– Ну, вот, – когда, наконец, закончили, устало произнесла тётка. – Ветерок рыбку обдувает, а мухи в темноте не летают. В дом пойдём.

Они поужинали. Во время еды тётка наставляла: «Рыба ваша – вы и ходить за ней будете. Вставать надо до рассвета и убирать её в коробку – в кладовую. От мухи прятать... А вечером, как стемнеет – снова

вешать на улице. Если всё сделаете правильно, через неделю получится объединение!»

– Тётъ Алла, а до рассвета – это во сколько? – уточнил Егор.

– Думаю, в начале четвёртого, – ответила тётка. – Поэтому, берите второй будильник, да не проспите.

Будильник был заведён на четверть четвёртого утра, но парни так и не уснули, ворочались в постелях, по очереди поднимались, в темноте пытаясь рассмотреть стрелки часов. Когда небо на востоке посветлело, они были уже во дворе. Аккуратно сняли и уложили в коробку верёвки с лещами, затем потихоньку, чтобы не разбудить тётку, перенесли коробку в кладовую. На всё ушёл примерно час. И они улеглись спать с чувством исполненного долга.

Беда стряслась на второй день. Утром их разбудила тётка. Она, по обыкновению, поднялась в половине пятого утра и обнаружила, что парни проспали рассвет.

– Эх вы, засони, рыбу свою проворонили! – почти прокричала она, входя к ним в комнату.

Парни подскочили, как по команде, мгновенно стряхнули с себя сон, кинулись на улицу, к улову. Распластанные тушки рыб раскачивал лёгкий утренний ветерок, их спинки золотились в лучах утреннего солнца. Вокруг всего этого богатства роилось несколько ранних жирных мух.

– Вот гады! – свирепо заорал на них Женька, размахивая руками, начал отгонять.

– Быстро снимайте, – распорядилась вышедшая следом на крыльцо тётка. Они справились с этим делом в считанные минуты.

– Что же теперь будет? – завздыхал Егор. Женька тоже переживал, только молча.

– Узнаем через сутки, – заявила тётка деловито. – Если муха успела рыбу испортить, личинка примерно через день появится. Смотреть

будем каждую рыбку. Может, что-то выкинуть придётся... Ладно, некогда мне, на работу надо собираться. – И она вскоре ушла.

А парням было уже не до сна...

Через день проявились результаты утреннего недосмотра. Это было в воскресенье утром. Рыбу уже сняли до рассвета и упаковали в коробку до вечера. Но тётка велела принести коробку из кладовой на кухню и принялась внимательно по очереди разглядывать каждую рыбку. Она снимала их с бечёвки, осматривала от головы до хвоста, нюхала что-то под жабрами и плавниками. Потом раскладывала в две кучки. Одна кучка была побольше, другая – совсем маленькая. Лещ уже подвялился, мясо на нём отсвечивало аппетитной желтизной. У парней глаза горели, глядя на это гастрономическое богатство.

– Вот эту придётся выкинуть, – вынесла приговор тётя Алла, показывая на маленькую – десяток рыб – кучку. Несколько из них были крупными красивыми экземплярами.

– Да вы что! – начал было Женька. – Это же, какие труды?!

– А посмотрите сами, – живо откликнулась тётка. – Вы это есть будете?

Парни по очереди брали из маленькой кучки рыбу в руки, осматривали и брезгливо возвращали на место: они видели, как в желтоватом мясе вдоль разрезанных хребтов стремительно передвигались, то появляясь, то исчезая, белые ниточки – червячки...

– Вот же, гады, что с нашей рыбой сотворили! – бросив в кучку последнюю рыбу, воскликнул Женька. Теперь они полностью были согласны с тёткой.

Заражённую рыбу выкинули в мусорку, а оставшийся улов снова нанизали на бечеву и оставили в коробке до вечера.

«Битва за урожай» продолжилась с новым энтузиазмом. А дня через три тётка принесла с работы трёхлитровую банку пива:

– Забежала тут в кафе, – призналась она. – «Жигулёвское», свежее... Ну-ка, Егор, принеси нам из кладовой пару рыбок!

Егор и рад стараться – пулей слетал в кладовую, сдернул с бечёвки двух лещей покрупнее. Когда вернулся на кухню, тётка уже разливала пиво по стаканам, а Женька глядел на неё влюблёнными глазами.

Потом они чинно сидели за столом, чистили порезанных на куски вяленых рыбёшек, закусывали пенный напиток ароматным, мягким, таящим во рту мясом.

Весело обсуждали рыбалку, которая принесла и улов, и кучу хлопот. Тётка с довольным видом поглядывала то на одного, то на другого. На её взгляд, они повзрослели за прошедшие дни, с лиц и тел сошла краснота, правда, вместе с кожей, их покрывал теперь тёмно-шоколадный загар.

– В общем, рыба ваша готова. Больше вялить не надо, а то станет как деревянная.

Она на мгновение задумалась:

– У меня же ещё одна новость, – хлопнула себя ладонью по лбу тётка.

– Я же ваши билеты на самолёт сдала через знакомую в кассе. А вам купила билеты на поезд. На нём можно без паспорта ехать...

– Тетя Алла, как вы меня выручили! – Женька вскочил со стула и отвесил ей поклон. – А на какое число?

– Да, ладно уж, – шутливо отмахнулась та. – В следующий раз документы на рыбалке берегите... А число то же, что было и на самолёт – через два дня.

Парни радостно переглянулись. Тётка начала проворно убирать остатки пивной вечеринки и собирать ужин...

Пара дней пролетела незаметно. И вскоре тётя Алла провожала загорелых парней на поезд с капчагайского вокзала. При них были сумка, чемодан и два бумажных мешка с вяленой рыбой. Причём, рыбы в мешках было поровну, на этом принципиально настоял Женька.

Двое суток потом тащились они в прогретом, забитом людьми вагоне. И все эти двое суток на них плотоядно поглядывали соседи по поезду:

им не давал покоя рыбный аромат, исходящий от перехваченных верёвками мешков, устроенных под нижними полками.

...Хмурым сентябрьским вечером десяток парней сидели вокруг стола в одной их комнат студенческого общежития. Стол был завален рыбьей чешуей, останками вяленых лещей, заставлен пивными бутылками, по большей части уже пустыми.

Душой компании были Егор и Женька, они по очереди взахлёб рассказывали подробности капчагайских каникул, основной главой которых была солнечная рыбалка.

г. Владимир,
май 2016 г.

(Публикуется по тексту сборника рассказов
«Ёршик с ангиной». – Кемерово, 2017 г.)

Корабль пустыни

Они лежали на горячем песке дикого пляжа и наслаждались ветерком, который тянул от воды. А тем временем солнце жарило нещадно, медленно и незаметно превращая их тела в розовато-красных креветок. Егор приподнял голову и придирчиво осмотрел всю их компанию молодожёнов.

Он знал, что долго находиться на поверхности этой, прогретой даже больше, чем следует, «сковороды» лучше не стоит. Особенно в первые дни. Местная погода требует от белокожих сибиряков осторожности. Но его жена Галка, лежащая рядом на спине, похлопала его по руке, и, не открывая глаз, прошептала:

– Не суетись, полежим ещё...

Чуть в стороне от них на издавшем виды покрывале мирно посапывали их друзья Женька с Татьяной. Те почивали на животах, пятой точкой вверх, при этом крепко держа друг друга за руки. Рядом с ними, зарывшись всеми тремя колёсами в песок, дремал мотоцикл Иж-56, на котором они и прибыли на этот берег. Его раскалившиеся от жары металлические части, светло-песочного цвета потёртые крылья и мотоциклетная люлька, казалось, едва не плавилась от этого пекла.

Татьяну с Евгением Егор с Галей знали все студенческие годы. А совсем недавно и те, и эти расписались в загсе, узаконив, наконец, неформальные, почти «трёхлетней выдержки», вздохи и ахи, давно переросшие в полноценные отношения.

«Химия любви не всегда означает любовь», – считают опытные психологи. Но, вопреки их мнению, в данном случае чувство проверку прошло. После «свеженького» и совсем, как оказалось, нестрашного штампа в паспортах и успешной защиты дипломов, у молодых пар, теперь уже семейных, возникла первая «серьёзная» проблема: где провести медовый месяц? Впереди их ждала гарантированная послевузовским распределением работа. Но хотелось отдохнуть от праведных студенческих дел.

В безмятежные семидесятые годы прошлого века выбор для путешествий был, прямо скажем, не так уж и велик. Закрытый «железным занавесом» Запад в расчёт не брался, страны соцлагеря требовали денег, которых у вчерашних студентов – кот наплакал. Исследование огромной страны под названием СССР откладывалось по этой же причине.

Дружеский семейный совет, на котором обсуждался этот вопрос, грозил закончиться полным провалом, как вдруг Егор, помассировав свой затылок, предложил:

– А давайте рванём в Капчагай! Там и солнце, и море, и фрукты – всё в одном флаконе... – и внимательно посмотрел на свою Галину.

– Правда, – выдержав паузу, поддержала его жена, – давайте поедem.

– Я – за! – сразу же согласился Евгений, тряхнув чёрными кудрями. – Там знаешь, как встречают! – вспомнил он, как пару лет назад побывал в Капчагае с Егором на рыбалке.

– Ну-ка, ну-ка! – потребовала Татьяна, – расскажите подробней...

И они принялись наперебой вспоминать о безбрежном Капчагайском водохранилище на юге Казахстана, которое аборигены называют морем, о горах полосатых арбузов и золотистых дынь на местном

базаре, о солнце и хлебосольной Гáлиной родне, проживающей среди всего этого великолепия. «Благословенные места!», – то и дело повторял Егор. Но если бы у него спросили: кто благословил этот солнечный край? – он, скорее всего, запутался бы, выбирая между богами и их земными воплощениями...

Впрочем, Галина с Егором за короткую студенческую жизнь отдыхали там уже трижды. А что ещё могло их туда увлечь, кроме солнца, воздуха и воды? И для полного счастья тогда этого было вполне достаточно. Поэтому и Татьяну они уговаривали недолго, чуть дольше – друг друга, и, наконец, единогласно решили: едем!

С билетами обошлось благополучно. Несмотря на летний сезон, в одном из общих вагонов поезда «Новокузнецк – Алма-Ата» нашлось сразу четыре места. В душном, обшарпанном и разболтанном, переполненном пассажирами общем вагоне местá для парней – вчерашних студентов – нашлись только на третьей полке, где обычно путешествуют чемоданы. Женской половине их компании повезло чуть больше.

И через двое мучительных суток, которым, казалось, не будет конца, они прибыли на пустой, прокалённый солнцем перрон, который окружал только безбрежный горизонт. Их никто не встречал: Галя сумела по телефону убедить родных, что с вокзала они – не маленькие уже – доберутся самостоятельно. Узнав, что до города придётся идти пешком, капризная Татьяна запротестовала было, но вскоре догнала растянувшееся цепочкой шествие: первой быстро шагала проворная красавица Галина, за ней старательно поспевал Егор с двумя сумками, третьим – тоже с сумками и гитарой за спиной – двигался Евгений.

Вещей у путников было немного – купальные принадлежности да кое-что по мелочи. На строгий местный взгляд, приехавшие выглядели непривычно. Все, кроме долговязого, смуглого Евгения, не выше среднего роста, светловолосые. И парни, и их спутницы одеты в джинсы, на парнях – яркие футболки, не менее яркими блузками

выделялись и девчонки. Но в широкой степи, по которой они шагали, не было ни души, казалось, ни один человек здесь не жил и жить не мог.

– Жуткое чувство, будто едешь из ниоткуда в никуда, а на свете всё вымерло, – глубокомысленно заметила Татьяна.

Но остальные промолчали. Дорога шла под уклон. И скоро перед ними открылась необыкновенная панорама: справа показались светлые кварталы пятиэтажек вождленного Капчагая, перемежаемые зеленью садов и домами частного сектора. Слева раскинулась синяя гладь бескрайнего водохранилища. А над водным простором будто повисла в воздухе голубовато-серая цепь гор, покрытых кое-где белыми шапками снега. Было жарко, но никто не роптал. Егору же, который с удовольствием узнавал знакомые места, любовался открывающимися пейзажами оживающей пустыни, эта пешая часть начала их медового месяца вообще нравилась.

Не прошло и часа, как они благополучно добрались до места. Родня Галины жила всё в том же довольно просторном щитовом домике со всеми удобствами, который обитатели называли «пэтэушкой». Дом со всех сторон обступали яблони, груши, ещё какие-то неведомые плодовые деревья и кусты. Всё свободное пространство усадьбы занимали грядки с разной зеленью, ровными цепочками выстроились помидоры.

Небольшую площадку у крыльца «украшал» привычный хлам из тазиков, вёдер, лопат, штабеля почерневших неструганых досок. У стены дома стояло что-то, накрытое куском брезента. Егор приподнял брезентовый угол, увидел переднее колесо и руль. «Ижóк!», – узнал он знакомую марку мотоцикла. У его родителей когда-то был точно такой железный «конёк», на котором отец научил ездить и его.

– Вася купил по случаю, – раздался у него за спиной голос тёти Аллы. Она вышла встретить гостей, чинно обняв каждого, племянницу Галю расцеловала в обе щёки.

После представления и знакомства, все зашли в дом, где посреди большой комнаты красовался внушительных размеров стол, на котором среди белоснежных, пустых пока тарелок держали высокий фасон свежие помидоры, болгарские перцы и другие овощи, рядом возвышалась гора пирожков, котлет, ломти жареной рыбы. На одном краю стола скромно позировал гостям изрядных размеров арбуз, на другом застенчиво рисовались две небольшие тёмно-жёлтые дыни.

– Ух ты! – восхитился Егор, взирая на аппетитное богатство. – Жрать хочу как волк! – он схватил и откусил один пирожок. – Мои любимые, с картошкой...

– Руки сначала помойте! – строгим голосом осадила его тётя Алла.

Но суровое выражение на её тёмном от загара лице сменилось улыбкой, превратив в тёмные щёлочки глаза, даже кончик её крупного носа сливового цвета радостно зашевелился от Егоровых слов, а вся её крупная фигура прямо-таки засветилась от удовольствия.

– Сейчас Вася с работы явится, – сообщила она гостям, – и сразу будем обедать. – И ретировалась на кухню, откуда тянуло вкусным сквознячком.

Тут же, будто только и ждал команды, возник сам дядя Вася. С тех пор, как виделись в последний раз, отметил про себя Егор, он мало изменился. Ростом и поджарой фигурой по-прежнему был меньше своей жены, лицо – такого же тёмно-кирпичного цвета, разве что его большущие вислые усы и виски за это время изрядно побелели. С его крупных, будто вывернутых наизнанку, губ, как всегда, свисала потухшая папироса. Войдя в дом, он не подал виду, что удивлён гостям. Неторопливо вынул изо рта «беломорину», выкинул её в открытую дверь на крыльцо, вытер ладони о рубашку, прикрывающую впалый живот, и только потом раскинул руки и обнял Галю.

– Привет, Галчонок, привет, крестница! Кого ты тут нам привезла? – сердито сдвинул он кустистые брови, хотя в глазах играли смешливые голубоватые огоньки.

– Здравствуй, лёлька, – Галина ловко вывернулась из цепких дяди Васиных рук. – Я же вам звонила. Знакомься. Это вот... – повернулась она к Егору.

– Да этого-то я знаю, – отмахнулся дядя Вася, – везде за тобой ездит, как привязанный. Меня новые интересуют...

Потом он долго пожимал крепкими узловатыми пальцами тонкие ладошки приезжих. Гости по очереди морщились от боли, но молча терпели хозяйскую «ласку».

– Ладно, – наконец, повернулся дядя Вася и к Егору. – Здорово и ты, Егор! Не обижайся, я же шучу.

– Да кто же на тебя, шутника, обижается, – ответила за всех тётя Алла. – Садитесь-ка лучше за стол, у меня борщ поспел.

Наваристый борщ был очень хорош! Особенно под живительную влагу из светлой запотевшей бутылочки. Под «неё» гости умяли и котлеты, и порожки. Куски жареного сазана, казалось, тают во рту. Хозяева расспрашивали, а молодёжь рассказывала новости о жизни в Сибири.

– Вспомнила! – перебила вдруг всех Татьяна. – Вот где я их видела! Ваши усы на усы Семёна Будённого похожи...

– Ну вот, – притворно нахмурился дядя Вася. – Сразу обзывать. Не знаю я никакого Семёна...

Когда всё было выпито, съедено, и тётя Алла начала резать хрусткие арбузные бока, Егор кинулся было к сумкам:

– Мы же с собой тоже водки привезли!

Но женщины запротестовали. А Галя предложила:

– Мы лучше сейчас пойдём купаться на море.

– Купаться так купаться, – вздохнул дядя Вася, доставая из нагрудного кармана рубахи пачку «Беломора». – Только сразу не сгорите, солнце у нас сильно горячее...

Вокруг не было ни единой души. Солнце клонилось к закату. Крохотные волны неслышно накатывали на песок. Молодёжь на пляже дремала. Непривычная духота мешала нормально спать ночью, а тут после активного купания с визгом-писком, уморительных водных догоняшек они расслабились и заснули. Егор прикрыл покрасневшие плечи рубашкой, прищурившись, смотрел на стальной блеск воды, на серебристые солнечные блики, на чаек, да на белые барашки пены на гребешках волн, и вскоре тоже отдался во власть языческим богам сна и сновидений Гипносу и сыну его Морфею...

И приснилось ему огромное бесформенное лохматое чудовище, которое моталось по потемневшему небу, хрипело, шумно вздыхало и кувыркалось, опускаясь всё ниже. Егор пытался укрыться от него, но кругом была только ровная степь – ни кустика, ни бугорка, по которой он не просто бежал – летел, не чуя под собою ног. Уйти от страшилища было невозможно, оно становилось всё ближе. Потом из него прямо к Егору протянулось длинное тонкое щупальце с острыми растопыренными линиями-пальцами на конце. Оно вцепилось Егору в плечо и начало трясти...

– Да проснись же! – услышал он голос жены, которая толкала его, и открыл глаза. – Нас тут скоро монстры окружают, а он спит как убитый!

В подтверждение её слов берег огласился рёвом, напоминающим, показалось Егору, ослиный. Сна как небывало! Звук издавал явно немалый зверь, он то ли рычал, то ли трубил, в горле у него клокотало и булькало, а на выходе звучало как «Р-рыу-у-у-! У-у-у-й-о!»

Егор вскочил на обжигающий пятки песок. Татьяна с Женькой стояли рядом и с умилением разглядывали небольшое – голов десять-двенадцать – стадо верблюдов, которые взялись неизвестно откуда и расположились в сотне метров от них. Часть животных забрела по брюхо в воду, другие, склонив головы на выгнутых шеях, выискивали в песке зелёные колючие ростки, торчащие тут и там, и жевали их. И лишь один верблюд – самый крупный из всех – стоял с важным видом

чуть в стороне от сотоварищей и издавал на всю округу те самые звуки.

– Знатно орёт! – кивнул на него Евгений. – Вожак. Айда поближе, – предложил он Егору, – рассмотрим живоглота...

– Не вздумайте! – хором крикнули девчонки.

– Он же вас разорвёт! – добавила Татьяна.

– Ага, а потом за нас примется. Никуда не ходите, – умоляющим голосом попросила Галина.

– Да мы же только чуть-чуть подойдём. Я живого верблюда вот так запросто давненько не видел, – Егор выдернул руку из Галиных ладоней и первым направился в сторону животных.

Женька последовал за товарищем. Они двигались неторопливо, поглядывая по сторонам, давая понять вожаку, что вовсе не спешат встретиться с ним и что верблюды их не удивляют, что встреча с ними – дело вроде как обычное. Шагов через пятнадцать парни остановились и принялись разглядывать стоявшую полубоком к ним животину.

Размеры у верблюда были внушительные. Мощное туловище покоилось на длинных узловатых ногах, которые раздвоенными ступнями упирались в плотный мокрый песок. От земли до вершин чуть свесившихся на сторону широко расставленных горбов было не меньше двух с половиной метров. Вытянутая голова с маленькими круглыми ушками покачивалась на чересчур длинной шее, которая одной дугой ниспадала вниз, а другой дугой поднималась вверх. Косматая рыжеватая шерсть свисала клоками под животом.

Верблюд перестал орать, величаво повернул голову в их сторону и внимательно разглядывал приближающуюся парочку. Верблюжьи губы мерно шевелились, будто зверюга нашёптывал что-то.

– Красавец! – восхитился Евгений. – Настоящий корабль пустыни! А какая чёлка моднячая?! Я про него стих сочиню... Надо бы ещё ближе

подойти. Как думаешь, он не рассердится? – и Женька снова двинулся вперёд.

Теперь уже Егор оказался позади и робко выглядывал из-за плеча друга. Не успели они сделать и пяти шагов, как верблюд неторопливо развернул свою объёмистую грудь к ним «фасадом», протяжно и грозно рыкнул и шагнул навстречу.

– Да ну его к лешему! – Егор остановил Женьку, ухватив за трусы. – Организованно отступаем, а то он нас затопчет...

Евгений тоже понял, что зверюга не желает знакомиться, и рассчитывать на его лояльность не приходится:

– Давай задом пятиться, – не оборачиваясь, скомандовал он Егору. – И медленно. Если он за нами рванёт, боюсь, точно затопчет.

Они начали пятиться, верблюд медленно устремился за ними. За спинами парней завизжали жёны. Нервы у ребят не выдержали, и они со всех ног рванули к своей стоянке.

– Вещи быстро кидаем в коляску! – заорал Егор. – И уезжаем!

Они подхватили подстилки, побросали в люльку одежду, сумки с едой. Егор ткнул ключ в замок зажигания, раз-другой с силой надавил ногой на рычаг кикстартера, который в народе называют «заводилкой», но мотор молчал, не желая оживать.

– С «толкача» заводим! Толкаем все вместе! – снова велел Егор. – Давай! – он обеими руками ухватился за рукоятки руля, упёрся ногами в песок, чтобы сдвинуть «Иж» с места.

Но не тут-то было. Сыпучий песок не отпускал колёса. Женька вцепился в задок железного коня, испуганные женщины изо всех сил толкали люльку. Верблюд степенно приближался, будто давая испуганным людям фору, его сердитый храп звучал за их спинами всё громче. И это придало молодой четвёрке новых сил – мотоцикл удалось сдвинуть с места, он покатился по песку, разгоняясь всё быстрее. Егор вскочил на него, левой ногой включил передачу.

Мотоцикл чихнул, и... мотор завёлся, затарахтел. Женская половина мигом влезла в узкую коляску, Женька запрыгнул на заднее сиденье. Егор крутнул ручку газа, и они рванули по песчаному полю навстречу далёким домам Капчагая. Лишь тогда Егор оглянулся, чтобы посмотреть, чем занят верблюд. А тот с гордо поднятой головой возвращался к своему стаду, покачивая горбами и демонстрируя людям на прощанье свой внушительный зад с коротким хвостиком.

Когда подальше отъехали от берега и страсти немного улеглись, на Егора накатила смех, и он расхохотался. Его поддержал Евгений. Но перепуганные девчонки ещё не пришли в себя.

– Да ну вас! – возмутилась Татьяна – Смешно им теперь. А убегали, как последние трусы... Тоже мне, герои!

Обижаться на своих «половинок» было бессмысленно. Да и что тут скажешь, если Татьяна права. «Но что бы мы делали без мотоцикла?» – подумал Егор. Он вспомнил, как трёхколёсный друг оказался в их распоряжении...

В первый вечер того дня, когда гости прибыли в Капчагай, сразу после сытного обеда, устроенного хозяевами, они решили отправиться на море. До заката было ещё далеко.

Метрах в двухстах от хозяйского сада и других садов-огородов частного сектора проходила широкая асфальтовая трасса, соединяющая Капчагай с Алма-Атой, уходящая серой лентой на север Казахстана. Из-за густой зелени было не слышно шума проезжающих по ней автомобилей.

Пока шли по тенистым переулкам, попадались редкие прохожие, которым до приезжих не было дела. От прогретого до основания шоссе остро пахло гудроном. Молодёжь быстро перемахнула через высокую насыпь автострады и тут же оказалась на краю пустыни, которая раскинулась от дороги до самого берега. Перекрещенные редкими тропинками и накатанными колеями песчаные барханчики,

больше похожие на морщины на коже необъятного великана, усеивали редкие островки зеленеющих и сухих ростков камыша и кусты колючек. Далеко впереди поблёскивала водная полоска, до которой предстояло добраться по песчаному просёлку.

Солнце не по-вечернему припекало. И через четверть часа обливающаяся потом молодая четвёрка начала уставать. Бодрее других держался Егор. Жара как-то не особо досаждала ему, хотя и он время от времени вытирал тыльной стороной ладони взмокший лоб и, как мог, подбадривал Галю, которая молча плелась рядом и время от времени тяжело вздыхала.

Но эти-то двое были подготовлены к причудам местного климата. А вот их друзья шли чуть позади, с возмущением обсуждая окружающую жаркую среду. Вернее, больше говорила Татьяна, а её муж изредка бросал короткие едкие реплики или поддакивал в ответ. Светлая футболка Евгения покрылась на спине пятнами пота, но он не выпускал Татьянину руку, и когда она в очередной раз произносила: «Всё, больше не могу! Давайте вернёмся!» – останавливалась и норовила сесть прямо на песок, Женька не давал ей этого сделать и изо всех сил тянул её вперёд.

– Ну, ещё пять минут, – оборачивался к ним Егор. – Скоро будем купаться...

– Таня, потерпи, – уговаривала Галина. – Ты не представляешь, какое здесь море ласковое, купаться одно удовольствие.

И они снова шагали, а водная гладь подвигалась им навстречу. Весь путь до живительной влаги занял минут сорок. Дорожная колея, по которой они вышли к берегу, уткнулась в воду. С моря потянул лёгкий ветерок, он гнал мелкие волны, освежал пустынную береговую линию, по которой торопливо перебирали ножками-спичками многочисленные трясогузки. Над берегом пролетали серебристые чайки. Ровная гладь водохранилища уходила за горизонт. Вдалеке вырисовывалось едва различимое судно, а очертания гор совершенно пропали из вида.

– Чего тормозите? – Егор махом разулся, снял джинсы, футболку. – Мы купаемся или как? – и по мокрому песку рванул в воду.

Окатив фонтанами брызг, его с гиканьем и хохотом обогнали Татьяна с Евгением. Здесь было очень мелко. Егор долго брёл вперёд, пока вода не достала до пояса. Лишь тогда он оттолкнулся от мягкого песчаного дна и поплыл, по-собачьи перебирая перед собой руками. Увы, плавал он плоховато, также, как и его Галка. Поэтому эти двое предпочитали держаться рядышком на мелководье. Зато Евгений с Татьяной уплыли так далеко, что их головы то исчезали, то бесстрашно мелькали вдали среди волн. И когда Егор с Галей уже успели обсохнуть на своей лежанке, те только выбрались на берег.

– Вот это я понимаю! – оценила рукотворное море Татьяна, устало потягиваясь. – Водичка – класс! Плохо только, что зрителей нет. Никто не оценит, как я прекрасно плаваю...

Они ещё несколько раз заходили в воду. Солнце совсем склонилось к западу, когда решили, наконец, возвращаться. Дорога до дяди Васиного жилища снова показалась бесконечной, а жара заново разморила путников.

Но больше всех, казалось, страдала Татьяна.

– Нет, – то и дело начинала она. – Я на такие мучения не подписывалась...

– Тут от жары можно сдохнуть, – выговаривала она Евгению, но так громко, чтобы слышали все. – Я больше пешком через эту пустыню не пойду. Это же ужас, а не медовый месяц! Надо что-то делать. Может, какой-нибудь автобус на пляж ходит?

– Ладно, – попыталась успокоить её Галина, – спросим у тёти Аллы. Она здесь знает всё...

Но решение проблемы неожиданно подсказал дядя Вася.

Они с тётёй Аллой сидели рядом на ступеньках своего крыльца и поджидали гостей. Тётя Алла уставилась немигающим взглядом в землю, казалось, что она дремлет с открытыми глазами, а дядя Вася,

как всегда, активно дымил папирсой. Дверь в дом была распахнута, лёгкий сквозняк покачивал в дверном проёме тюлевую занавеску.

– Тётя Алла! – сразу же приступила Татьяна. – Как вы живёте в этой жаре? Никакого удовольствия от купания! Что от него толку – мы снова мокрые от пота... Это же ужас!

Тётя Алла обратила на неё свой взгляд и насмешливо отмахнулась:

– Мы привычные... Намерзлись когда-то в Сибири, поэтому нам тепло нравится.

– Да какое же это тепло? Духовка! – не унималась Татьяна. – Может, какой-нибудь транспорт ходит на ваш пляж? Я пешком больше туда не пойду. Если такого автобуса нет, мы уезжаем домой! Слышишь, Женька?

Евгений от удивления захлопал глазами. Тётя Алла растерянно заулыбалась. Егор вопросительно посмотрел на Галину, а та только и смогла сказать, разведя руками:

– Вот тебе и раз!

– Есть автобус! – вспомнила тут тётя Алла. – Но вы на него сами не пойдёте. Остановка на другом конце города, ходит он раз в день, а пляж этот у чёрта на куличках – полдня добираться. Да и народу там полно, бывает с Алма-Аты прут...

– Погоди-ка, мать, – перебил её дядя Вася.

Он выплюнул окурок, поднялся с крыльца, подошёл к накрытому брезентом мотоциклу:

– Иди сюда, Егор, – дядя Вася одним движением скинул с мотоцикла брезентовое покрывало. – Знаешь, что такое?

– Это «Иж-56», – Егор ласково погладил кожу переднего сиденья светло-коричневого мототранспорта с боковой коляской. – У отца такой же был. Он у вас как новый...

– И ездить сам умеешь? – уточнил дядя Вася.

– А как же! – похвастался Егор. – Отец научил. Прав только нет...

– У нас в Капчагае гаишников нету, – почесав щетинистый подбородок, сообщил дядя Вася. – А я вот всё никак не могу научиться на нём, – доверительно изрёк он. – Боюсь, а чего, сам не знаю...

– А номер как получали? – показал Егор на чёрный железный прямоугольник с цифрами и буквами на заднем крыле мотоцикла.

– Это от продавца остался. А завести можешь? – спросил дядя Вася.

– Попробуем! – обрадовался Егор.

– Мать, – позвал дядя Вася, – где-то у нас аккумулятор? Неси.

Тётя Алла нырнула за занавеску в дом. Оттуда послышался грохот вёдер и тазов, глухое ворчание. Вскоре она вынесла небольшую чёрную пластиковую коробку – мотоциклетный аккумулятор – и поставила его на землю возле мужиков.

– Мне его сосед зарядил, – припомнил дядя Вася. – Но я не пользовался. А ты можешь его поставить?

– Раз плюнуть! – щёгольски щёлкнул пальцами Егор. – Только ключ двенадцать на четырнадцать дайте.

– Мать! – снова скомандовал дядя Вася.

Через минуту тётя Алла стояла перед ними со старой хозяйственной сумкой, полной разного инструмента. Егор откопал в сумке нужный, открутил гайки на крышке аккумуляторного ящика, что у мотоцикла на боку, вставил аккумулятор на место, соединил провода. Потом покачал мотоцикл, услышал, что в бензобаке плещется горючее, открыл краник на карбюраторе. Вся компания обступила железного коня и внимательно и молча следила за Егором. Во дворе было тихо, и со стороны казалось, будто он совершает какое-то священнодействие.

Ключ зажигания торчал на своём месте – на мотоциклетной фаре. Егор утопил его до упора в замок зажигания, нажал кнопку сигнала – мотоцикл громко просигналил.

– Умница! – похвалил его парень. Слегка качнул ногой рычаг кикстартера, а потом резко нажал на него до упора, одновременно крутнув ручку газа на руле. И мотоцикл ожил! Весело затарахтел, выбрасывая из хромированной выхлопной трубы колечки вонючего сизого дыма.

– Прокатимся? – предложил он дяде Васе.

– Давай! – радостно прокричал тот. – Мать, открывай нам ворота!

Егор оседлал технику, дядя Вася уместился на заднем сиденье, крепко вцепившись в ремень Егоровых джинсов. И они медленно выехали со двора в переулок. На Капчагай уже опускались ранние сумерки, вдоль автотрассы, куда они выехали по щебёночной насыпи, уже зажглись ночные фонари. Егор тоже включил фару и прибавил газу. И они понеслись вперёд по пустынному асфальту. Тёплый ветер засвистел в ушах.

– Ну как вам? – прокричал Егор, повернув голову к дяде Васе. – Не страшно?

Тот робко прохрипел в ответ что-то малопонятное, из-за чего Егор решил, что на сегодня, наверное, хватит.

Когда они загнали мотоцикл во двор и снова укрыли брезентовой накидкой, дядя Вася не торопясь закурил, потом, похлопав Егора по плечу, молвил:

– Вижу, ездить умеешь. Завтра садись на него и вези ребят на пляж. А то, вишь, автобус им подавай! Чем мотоцикл-то хуже?! – он удовлетворённо хмыкнул, глубоко затянулся «беломориной» и выпустил струю едкого дыма прямо парню в лицо. Егор замахал руками, закашлялся.

– Да ладно тебе, – хихикнул дядя Вася. – Раскашлялся, как красна девица. Если кашляешь, не кури, а иди-ка лучше спать...

Вот так мотоцикл украсил их медовый месяц. Егор каждое утро возил всех на море. Теперь на дорогу уходило не больше десяти минут в

один конец. Иногда заднее колесо мотоцикла увязало в рыхлом песке, тогда Женька соскакивал со своего места и толкал задок трёхколёсного помощника.

На море они плескались в воде и загорали до обеда. И, кажется, уже прошли все стадии загара – от отчаянно-пороссячьего до гордо-эфиопского. В первый раз от солнечных ожогов кожа с каждого из молодожёнов облазила большими бесцветными клоками, во второй же раз они почти безболезненно скатывали на спине друг у друга отставшую кожицу в катышки. Зато тот наружный покров, что ещё оставался у каждого, симпатично потемнел, южный загар придал каждому из них привлекательности и стройности.

По вечерам ужинали вместе с хозяевами. Потом все подолгу сидели на крылечке, болтали или пели под аккомпанемент Женькиной гитары. Встреча с верблюдами постепенно забылась. Тем более что береговая линия водохранилища растянулась на десятки километров – выбирай любое место. И больше они с этими животными не пересекались.

Однажды в выходной к дяде Васе и тётё Алле пришла дочь Людмила с зятем Виктором и маленькими внуками. Он работал на стройке бульдозеристом, она – в детском саду. Галя с Егором знали их уже давно. А Татьяна с Евгением быстро перезнакомились с ними, вчерашние студенты – народ общительный. Внуки убежали в огород, а взрослые уселись на крыльце – поболтать о том о сём. Тётя Алла ушла в дом готовить обед. Дядя Вася молча курил папироску, слушал, слушал молодых и говорит:

– Мать нас сейчас на обед позовёт, а ведь у меня, зятёк, за воскресный день и выпить-то нечего.

– Что предлагаешь, батя? – восторженно воскликнул Виктор. – Я бы сходил в магазин, только до него неблизко, сам знаешь...

Дядя Вася ухмыльнулся:

– А у меня мотоцикл есть, шустрый...

– Так что ты, что я ездить на нём не умеем...

– А у нас водитель есть. Вот, – указал дядя Вася на Егора. – Быстро домчит. Садитесь, слетайте, деньги я дам...

Минуты через три Егор с Виктором мчали по шоссе в сторону нового микрорайона, где в новенькой панельной пятиэтажке весь первый этаж занимал гастроном с большими стеклянными окнами по всему фасаду. Его местные так и называли «стеклянным магазином». Егор притормозил на стоянке возле входа, где рядом расположилась парочка мотоциклов, белые «Жигули» первой модели и потрёпанный «Москвич».

В магазине Виктор направился к прилавку с очередью за продуктами, Егор же встал недалеко от входных дверей так, чтобы видеть, как движется очередь, а заодно за мотоциклом через окно присматривать. Очередь двигалась быстро: ещё два человека, – и Виктор «отоварится». Но тут Егор заметил, как к магазину подкатил жёлто-синий «уазик» с мигалкой на крыше, на боку написано «Милиция», на капоте – три белые буквы «ГАИ». Из машины вышли двое в милицмейской форме и принялись осматривать мотоциклы. Они изучали номера, заглядывали на спидометры, обследовали люльки.

– Пошли, – подскочил к Егору Виктор. – Я купил всё, что надо.

– погоди, – тормознул его Егор и показал взглядом на улицу. – Видишь?

– Ищут кого-то, похоже, – озабоченно прищурился Виктор. – Эти ребята в наш городок не часто заглядывают, а своего ГАИ в Капчагае нет. Если что, из Алма-Аты приезжают. Здесь у нас военная автоинспекция, тут солдатиков много по разным частям служит. Вон, смотри...

Вышедший из другой двери магазина мужик в чёрной футболке и спортивных штанах направился к двухцилиндровому тяжёлому мотоциклу. Не успел он надеть на голову защитный шлем, как его остановили милиционеры, судя по всему, попросили и поизучали его

документы. Потом один усадил мотоциклиста в УАЗ, второй сел за руль мотоцикла, и маленькая колонна не спеша отъехала от гастронома.

Егор, конечно, испугался:

– Как теперь ехать домой? Вдруг и нас заберут в милицию! У меня ни прав, ни паспорта. Даже касок у нас нету...

– Не паникуй! – остановил его Виктор. – Тебя тут хоть раз остановили? Вот видишь! Езди аккуратно и всё. Я же – местный – с тобой. Если что, выкрутимся.

Дома все уже сидели за накрытым столом, внуки стучали ложками по тарелкам, активно уплетая бабушкин борщ, остальные ждали гонцов. Когда Егор пересказал им историю с ГАИ, дядя Вася хлопнул себя по коленке:

– Я же вчера заметку читал в «Вечернем Алатау» про аварию в Алма-Ате. Писали, что мотоциклист на «Урале» сбил пешехода и скрылся. Тот самый, наверное, и есть. У-у, варнак! – добавил он жёстко и тут же переменял тон, попросив умоляюще:

– Бабка, ты мне когда-нибудь супу нальёшь? Умру ведь с голоду!

Дядя Вася с таким исступлением хлебал горячий борщ, будто, действительно ничего не ел со вчерашнего дня. Покончив с первым блюдом, достал из кармана смятый платок, вытер пот со лба, высморкался и, указывая корявым пальцем на Егора, многозначительно изрёк:

– А ты на шоссе пореже выезжай, и вообще по улицам не надо. Больше по пустыне катайся. И чтоб осторожненько...

Но, как говорится, дядя Вася предложил одно, а Господь расположил по-своему. Хотя в те годы почти все бывшие студенты были атеистами по образованию, но сомнения-то, наверняка, имелись даже у преподавателя несообразной дисциплины под названием «Научный атеизм». Это сейчас даже самые отъявленные атеисты решили поверить во Всевышнего. А тогда... Впрочем, рассказ не об этом.

Новобрачные продолжали ездить на мотоцикле на море, загорать, купаться и всё такое, чем полагается заниматься в медовый месяц. Егор рулил, иногда буксовал в песках так, что из-под заднего колеса вырывался золотисто-серый песочный фонтан. Раз в несколько дней подливал в бензобак железного коня тёмно-розовый, дурно пахнущий бензин марки АИ-66 и добавлял в него колпачок масла под названием «автол». И то, и другое запас предусмотрительный дядя Вася.

Надёжная советская техника не подводила. Медовый месяц, скрашенный борщами тёти Аллы, шёл бы своим чередом, если б не новое происшествие.

Неподалёку от дяди Васи, в таком же доме с садом, жила большая добродушная казахская семья – Дамир и Дана. Никто не знал, сколько у них детей. Когда те играли у себя в переулке, сосчитать их было невозможно – уж очень шустро они передвигались и так были похожи друг на друга. Тётя Алла как-то предположила, что детей в этой семье не меньше пяти.

Но соседи на этом решили не останавливаться. В один из вечеров Дана заглянула во двор тёти Аллы и, смутившись не столько хозяев, сколько рассеявшейся на крыльце компании недавних студентов, почти шёпотом попросила щепотку соли. Одета она была в широкий сарафан. Только вряд ли каким-либо гардеробом можно обмануть наметанный глаз тёти Аллы, которая сразу после ухода Даны вынесла вердикт:

– Скоро снова родит...

И как в воду смотрела. Дней через пять после «солевого» визита в дяди Васин двор влетел перепуганный Дамир и, отчаянно размахивая руками, завопил, будто наступил конец света:

– Василий Иванович, соседи, помогите! У Даны воды отошли, схватки начались. Ей в роддом надо срочно, а скорая не едет, – он прибавил несколько слов на местном, потом поймал дядю Васю за рубашку,

притянул к себе. – Знаю, у тебя мотоцикл на ходу, трещит каждый день. Отвези жену, я тебе магарыч поставлю!

Дядя Вася осторожно высвободил рубашку из цепких соседских рук, выплюнул потухшую папиросу, вытер платком губы и ответил:

– Мотоцикл у меня есть, да вот водить я не умею. Так что извини...

– Кто же его водит? – округлились от удивления узкие глаза соседа. – Мы же слышим, как он по переулкам тарахтит.

– Это он ездит, – кивнул на Егора дядя Вася. – Однако он со своими гавриками ездит только на море. На шоссе ему нельзя, у него прав нету. Гаишники поймают и мотоцикл отберут, и оштрафуют или чего посерьёзней... Так что лучше скорую дожждаться.

«Чего «посерьёзней», – подумал Егор, – арестуют, что ли?», – а вслух сказал:

– Дядя Вася, надо помочь. Я «осторожненько»... – и пошёл заводить мотоцикл.

Дамир вывел на улицу постанывающую Дану, бережно поддерживая за талию, помог ей сесть в коляску. Из их приоткрытой калитки с настороженным любопытством выглядывали коротко стриженные тёмные детские головёнки. Дамир погрозил им кулаком, крикнул что-то на своём языке, уселся на заднее сиденье, и они покатили.

Егор вёл транспорт ровно, тщательно огибая в переулках мелкие рытвины. Боковым зрением поглядывал на охающую пассажирку. «Родит прямо в люльке, – переживал он, – будешь знать». Но боялся прибавить скорость, чтобы лишний раз не тряхнуть Дану. Лишь когда выбрались на автостраду, добавил газу.

Больничный городок расположился в нескольких светлых зданиях километрах в трёх от дома. Было здесь и родильное отделение. Дамир повёл Дану в санпропускник, на ходу бросив мотоциклисту: «Пожалуйста, не уезжай, дождись меня». И Егор остался ждать его на больничной площади. С мотоцикла слезать не стал – так и замер под

солнцем на переднем сиденье, задумавшись то ли о бренности жизни, то ли о маленьких детях.

От грустных мыслей его оторвал шум голосов. Он поднял голову и с удивлением обнаружил, что пока витал мыслями где-то далеко, не заметил, как на площадь въехало несколько крытых брезентом грузовиков. Они уже стояли полукругом, и под крики командиров из них торопливо выпрыгивали солдаты и строились в шеренги.

К Егору вприпрыжку подбежал худенький солдатик с красной повязкой на рукаве и чёрными погонами рядового. Автомат за его спиной при каждом шаге болтался, будто палка, и, наверное, больно бил его по спине, потому что лицо солдата страдальчески морщилось.

– Живо уезжай отсюда! – солдат попытался придать солидности и лицу, и своему мальчишескому голосу. – Командир приказал – уезжай!

Но Егору солдат показался таким нестрашным, что он и не подумал ретироваться.

– С чего это? – ехидно начал он. – Я вам не мешаю. До вас отсюда метров сто... Бегайте, сколько вам вздумается.

– Уезжай, говорю! – повысил тонкий голос солдат. – Мешаешься тут. А то! – он взялся за приклад автомата.

– А то что? – решил не сдаваться Егор. – Стрелять будешь, что ли?! Давай! А я посмотрю. Первый выстрел – предупредительный, в воздух. Может, после него я испугаюсь...

– Зря ты нарываешься, мы тебя... – но закончить угрозу рядовому не дали.

– Пырсики! – заорали от ближайшей машины. – Чего ты с ним возишься? Гони его в шею!

У Егора от этих слов тревожно засосало под ложечкой. «Чёрт! – чертыхнулся он. – Где этот Дамир? Что у этих военных на уме?»

Было понятно, что надо уезжать отсюда, пока не поздно. Но и отступать ни с того, ни с сего, без всяких нормальных объяснений, не хотелось.

– Передай своему командиру, – нахмурился Егор, – что я сейчас дождусь человека из больницы и сразу уеду.

Однако солдат не успел ничего произнести – к ним уже примчался командир с лейтенантскими, определил Егор, погонами на плечах. Ростом он был выше своего подчинённого, но такой же поджарый, а по возрасту – не старше Егора.

– Ты чего приказы не исполняешь? – раскричался лейтенант. – Тебе говорят, уезжай, значит, уезжай!

Вся крайняя шеренга бойцов развернулась к ним и с интересом наблюдала за тем, как разворачиваются действия возле мотоцикла.

– А чего вы мне тычете, товарищ лейтенант? – упёрся Егор. – Поди-ка, военное училище окончили. Зато я не на службе. Роженицу в роддом привёз. Вот жду...

– Нашли время рожать, – зашипел лейтенант, всё же переходя на «вы».
– Вы нам учения срываете!

– Учения? – с иронией переспросил Егор. – Какие учения? Вы во-он где, а я вот тут. Учитесь себе на здоровье...

Лицо лейтенанта мгновенно налилось кровью.

– Иванов! – гаркнул он. – Петров! Ко мне! Будем брать этого мотоциклиста. Проверим, кто такой, почему оказался в зоне учений. С какой целью хочет сорвать их...

Названные солдаты отделились от общей массы и ринулись на зов командира.

– Господи! – взмолился Егор испуганно и соскочил на землю. – Да уеду я, уеду! Сейчас только заведу...

Но Иванов с Петровым, усиленные Пырсиковым, цепко ухватили его за руки. В этот момент из больничных дверей показался Дамир.

– Что у вас тут? – растерялся он при виде окруживших мотоцикл военных.

– Наконец-то! – обрадовался Егор. – Я пока ждал, чуть военные учения не сорвал. Арестовать нас хотят!

Лицо Дамира мгновенно расплылось в широкой масляной улыбке:

– Команди-ир! – буквально пропел он. – Если у меня сын родится, я его Айсугуром назову, по-нашему – молодым воином. В твою честь, товарищ командир. А сейчас ты нас отпусти. Мы поедем молиться, чтобы моя жена Дана ещё одного хорошего джигита родила.

И Егора отпустили. Не успевший ещё остыть от поездки, «Иж» словно подслушивал словесную стычку с военными. Завёлся с первого раза и лихо умчал домой Егора с Дамиром.

«Он был свеж, как молодой редис, и незатейлив, как грабли», – цитировал выпускник филфака Егор признанного мастера новелл О. Генри, когда в красках расписывал, как орал на него лейтенант, как солдатики заламывали ему руки и как Дамир умасливал военных, которым они, оказывается, едва не сорвали учения... И как шустрый мотоцикл не подвёл, буквально вырвал их из этого конфликта и умчал подобру-поздорову подальше от проблем.

Компания за столом похохатывала и стучала вилками по тарелкам с закусками. Тётя Алла то и дело выходила на кухню за новыми блюдами, особым спросом пользовалась её фирменная острая закуска, которая называлась коротким корейским словом «хе» и готовилась из нежнейшего мяса свежего сазана и жереха при помощи кипящего подсолнечного масла, уксусной эссенции, жгучего перца и других приправ. Дядя Вася подмаргивал зятю, чтобы тот не забывал наполнять рюмки.

Медовый месяц подходил к концу. Через два дня молодожёнам предстояло возвращаться домой. По черноте загара они уже сравнивались с местными аборигенами, а что касается аппетита,

молодые сибиряки могли достойно посоревноваться с любым желающим. Был вечер субботы. Поэтому хозяева гостеприимного капчагайского дома решили заранее дать прощальный ужин. На него позвали и Людмилу с Виктором.

– Всё! – дядя Вася отодвинул приборы. – Я, мать, наелся на неделю, не лопнуть бы, – он потянулся за папиросами. – А вы-то ешьте, – успокоил он гостей, притихших и тоже отложивших было вилки. – На меня не смотрите, у меня живота нету, поэтому откладывать про запас некуда. А вот выпить ещё можно. Виктор, чего застыл? Наливай!

Вилки снова пошли в ход, но уже не так уверенно. Гости почти насытились, и тётя Алла могла уже присесть со всеми и едва слышно прошептать: «Тяпну-ка и я рюмочку». Виктор сидел напротив Егора. Время от времени они перебрасывались разными репликами. А перед самым чаем Виктор спросил:

– А ты знаешь, Егор, что я плантатор?

– Не-а, – мотнул головой слегка захмелевший Егор. – Про твой бульдозер знаю, а про твоих рабов не слышал...

– Да какие там рабы, – засмеялся Виктор. – Я потому плантатор, что на работе взял участок земли и засеял эту плантацию бахчевыми, а вернее, арбузами. И был я на своей плантации всего-то несколько раз. Добираться туда нам особо не на чем, только на попутках. Своего транспорта нет. Вот бы съездить, поглядеть, может, не всё сгорело. А, Егор, ты как насчёт этого?

Тот сыто икнул, уточнил:

– Ты, Витя, на дяди Васину «коняку» намекаешь, что ли? А давай, поедem!

– Понятливый! – Виктор протянул ему через стол руку, Егор в ответ свою.

Они скрепили договор крепким рукопожатием, и этого было вполне достаточно. После чая слово взял Женька. Вернее, он взял в руки гитару, дурашливо запел, подражая голосу Владимира Высоцкого:

– Возвращаюся с работы,
Рашпиль ставлю у стены,
Вдруг в окно порхает кто-то
Из постели от жены!
Я, конечно, вопрошаю:
«Кто такой?»
А она мне отвечает: «Дух Святой!»
Ох, я встречу того Духа –
Ох, отмечу его в ухо!
Дух – он тоже Духу рознь:
Коль святой, так Машку брось!

Все посмеялись, потом молодёжь попела недавнее студенческое. Кто хотел, покурил. Сюда же, на крыльцо, тётя Алла выставила таз, наполненный большими ломтями арбузов и дынь. Съели и их, вскоре и по кроватям разошлись.

Утром, когда Егор ещё спал, явился Виктор. Вчерашнее застолье не помешало ему быть свежим, как огурчик, и деятельным, будто старатель золотого прииска. Зато Егор с непривычки чувствовал себя тяжеловато, да и заспал обещание съездить на бахчу. Но настойчивый Виктор быстро его расшевелил, взбодрил шутками да прибаутками. Словом, минут через сорок они выехали и двинулись по шоссе в сторону, противоположную той, где располагалась Алма-Ата.

Мотор мотоцикла деловито тарахтел. Утро было ещё не жарким, а встречный ветер приятно охлаждал лицо и руки. Сидевший в люльке Виктор время от времени выкрикивал что-то восторженное. Егор почти не разбирал слов, но кивал в ответ и улыбался сквозь выдуваемые воздухом слёзы. Встречного транспорта почти не было. Ровная и гладкая, как стекло, трасса подталкивала Егора на то, чтобы выжать из дяди Васиного «ижака» всё, что только можно. Стрелка мотоциклетного спидометра дрожала между цифрами 90 и 100.

Вскоре рельеф местности изменился. Вдоль дороги потянулись холмы, и сама автострада то скатывалась со склона вниз, то поднималась вверх. Но железный конь легко преодолевал все подъёмы. Когда они резво осилили ещё один, Виктор показал, что надо сворачивать на песчаный просёлок. Тут только Егор понял, что рябившие в глазах при быстрой езде светло-зелёные пятнышки, разбросанные повсюду, – это арбузы. Сотни полосатых плодов, да что там сотни – тысячи! – вперемежку с сорняками лежали как попало на прогретой песчаной почве и ждали своего часа.

– Никогда не видел столько арбузов сразу! – восхитился он. – Может, попробуем один?

– Чужие трогать не советую, а наши... Зеленоватые они ещё, – ответил Виктор. – Думаю, невкусные пока. Вот здесь тормози...

Делянки были отмечены колышками. Виктор быстро нашёл свою.

– Вот оно, – раскинул он руки, – наше богатство! Вырастим, продадим, денег срубим, забогатеем!

Егор слез с мотоцикла, прошёлся по Викторовой бахче, присел над кругленькой полосатой парочкой:

– Что-то они у тебя, Витя, и впрямь, мелковаты...

Виктор пригладил рыжие волосы, почесал нос, растянул в улыбке губы:

– Так я же ещё тот арбузовод. Первый раз в жизни их посадил. Говорю же, на работе землю под бахчу давали, мужики взяли, а я, думаю, чем хуже? Дай, думаю, попробую. Взял аж десять соток. Народ сюда регулярно мотается, поливает. А мне-то ездить не на чем, бываю от случая к случаю. Вот так! Их, кстати, часто и не надо поливать, у них корни глубокие. Но сегодня поливать будем... – и он пошагал в сторону чудного сооружения, похожего на водокачку.

«У вас, Ивановых, не поймёшь, – хмыкнул про себя Егор. – То поливать не надо, то поливать надо...».

Он осмотрелся. Озарённые ярким светом поля выглядели пустынно. Лишь несколько человек копошились вдалеке: приседали к земле, поднимались, приседали снова. Не разглядеть было, чем они заняты. Виктор вернулся от водокачки с двумя полными вёдрами. Отыскивал, где арбузная плеть уходит в землю, и лил на это место воду.

Егор взялся помогать. Нашлось ещё одно ведро с мятыми боками. Получилось три ведра на двоих, с ними они и сновали туда-сюда, на ходу меняясь пустыми посудинами. Но чаще воду подтаскивал Виктор, Егор же поливал, направляя тонкую струйку под арбузные корешки. Солнце жарило вовсю, вода – сколько ни лей – почти не оставляла следов на горячем песке. Но дело понемногу продвигалось, и наши поливальщики шли вперёд. Часа через два миновали середину деляны, однако метров через десять арбузы кончились, дальше росли только сорняки.

– Тут у меня семена закончились, – порадовал Виктор ошалевшего от жары Егора. – А впереди у меня ещё перцы растут и «синенькие». Это мы так баклажаны зовём, – пояснил он. – Пошли, посмотрим.

– Их тоже поливать? – уточнил Егор, не надеясь на чудо.

– Надо, – вздохнул Виктор. – Но ты, вижу, упарился.

– А ты не смотри на меня, – буркнул Егор. – Воду давай!

Впрочем, особых усилий на болгарские перцы и баклажаны не потребовалось. Солнечные лучи почти доконали их, но тому, что ещё оставалось, сегодня посчастливилось – получили живительную влагу. Наконец, они присели прямо на межу.

– Что-то, Витя, овощи у тебя мелкие уродились, – решил Егор подколоть овощевода.

Виктор, задумчиво глянув на шутника, с усмешкой ответил:

– Наша цель не величина плода, а его вкус...

«Надо запомнить», – подумал Егор, а вслух сказал:

– Пить охота так, что даже жрать тянет.

– Так нам же бабушка Алла бутербродов навертела, – восторгнулся Виктор. – Сумка в люльке лежит. Я думал, ты знаешь, но терпишь.

– Нет, – покачал головой Егор. – Не видел, как она нас собирала. Вот здорово! А то я уже надумал помирать.

К мотоциклу невозможно было прикоснуться, так раскалило технику небесное светило. Нагрелись и бутерброды с остатками вчерашней рыбы и с размякшим солёным салом, но они умяли всё это под горячий чай из настоящего китайского термоса с такой жадностью, будто не было на свете ничего вкуснее.

– Вот теперь можно ехать, – Егор погладил сытый живот. – Залезай в люльку.

Виктор тотчас уселся туда, прикрыл колени кожаным фартучком, пришпиленным к борту коляски, потянулся, зевнул и пробурчал:

– Устал я что-то, однако, вздремну на ходу...

Егор осторожно покачал мотоцикл, чтобы услышать, как булькает горючее в баке, решил, что топлива достаточно, открыл краник на карбюраторе, вставил ключ в замок зажигания и с силой нажал ногой на рычаг кикстартера. Мотоцикл коротко татакнул в ответ, но не завёлся. Егор нажал снова – мотор молчал. Он нажал рычаг подряд раз пять – результат тот же.

– Что, – открыл глаза Виктор, – похоже, приехали?

– Погоди ты! – отмахнулся Егор. – Этого только не хватало.

Он снова закрыл, потом открыл краник карбюратора, пошевелил идущий к свече зажигания провод. Снова попробовал привычным способом завести трёхколёсную технику, но ничего не получалось.

– Не понимаю, – пожал он плечами. – Ведь работал как часы. Может, на солнце перегрелся и аккумулятор сел? Вылезай-ка, Витя, давай с толкача попробуем завести.

Егор сел за руль, ощутив пятой точкой и ногами жар нагретого мотоцикла, Виктор семенил сзади, подталкивая молчаливый байк. Когда мотоцикл немного разогнался, Егор включил скорость и повернул на себя ручку газа. Не помогло, «Иж» снова коротко татакнул и остановился. Они ещё несколько раз повторили этот манёвр, но железный «конь» не реагировал на их усилия. Разгонять мотоцикл по песчаной грунтовке было тяжело.

– Заводись, зараза! – выдохнул запыхавшийся Виктор и в сердцах пнул заднее колесо.

– Стой! – возмутился Егор. – Нельзя с техникой так, говорят, она всё понимает! Обидится – вообще никогда не заведётся. Давай лучше на асфальт его выкатим, там толкать легче.

До выезда на трассу было с полкилометра. На твёрдом асфальте, действительно, толкать было проще. Но и на ровном прямом участке дороги у них тоже ничего не получилось. Надежда появилась, когда автострада пошла под уклон, и мотоцикл сам покатился с горки вниз. Егор с Виктором живо сели на него.

– Давай, Егорушка! – взмолился пассажир.

– Даю, Витюша! – в тон ему ответил рулевой.

Вот только упрямая техника не хотела им уступать, безмолвно скатываясь к подошве холма. На дороге было пусто. Лишь пару раз их обгоняли легковые автомобили, едущие в попутном направлении. Виктор пытался голосовать, но водители не обращали внимания, не останавливались. За спуском последовал довольно крутой подъём. Преодолевая его, хлопцы совсем выдохлись и присели на мотоциклетные сиденья.

– Вот влипли, – вздохнул Егор. – День-то к вечеру... Хоть бы до утра добраться, у нас же завтра поезд.

– И ведь ни одна собака мимо не едет! – проворчал Виктор. – Как вымерли все в воскресенье...

Словно услышав его, на пригорок вынырнул красный «Москвич-408».

– Я сейчас на дорогу лягу, но остановлю его! – Виктор соскочил с мотоцикла и встал посреди трассы, подняв вверх обе руки. Рядом с ним в такой же позе замер и Егор. За рулём «Москвича» сидел круглолицый седой мужик. Метров за двадцать от них он затормозил, высунулся в окно и сердито заорал:

– А если я вас подавлю?! – мужик добавил непечатное слово и потребовал. – Чего дорогу загородили? Дайте проехать, черти!

– Помоги, дядя! – слезливо сморщился Виктор и прижал руки к груди.

– Видишь, погибаем мы, а этот гад не хочет заводиться, – ткнул он пальцем в мотоцикл. – Возьми нас на прицеп. Нам до Капчагая надо...

Мужик облизнул губы и твёрдым голосом произнёс:

– Я, ребята, благотворительностью не занимаюсь.

– Говори, дядя, сколько? – взмолился Виктор.

Мужик поднял глаза к небу

– Бутылка! Но, расчёт вперёд...

– Господи, благодетель! Конечно, конечно! – Виктор пошарил в карманах брюк, достал деньги и передал их через окно водителю «Москвича».

Тот неторопливо пересчитал мятые купюры, потом объехал мотоцикл, припарковался на обочине. Мужик оказался невысокого роста, с большим животом. Он вальяжно и неторопливо вышел из машины, достал трос, зацепил его сзади за фаркоп автомобиля и подал конец Егору:

– Цепляй, как надо. Одного могу пустить к себе в салон.

– Иди, – сказал Виктору Егор, – садись в машину. Я один поведу.

«Москвич» дёрнул трос и потянул за собой «ижачка». Егор вцепился в руль, боясь, не дай Бог, не пропустить резкое торможение машины, не въехать в красный москвичовский зад. Ехали небыстро, автомобиль плавно тянул молчаливую трёхколёсную мототелегу. О снижении скорости водитель авто заранее предупреждал мотоциклиста,

несколько раз чуть касаясь тормозной педали, отчего над задним бампером машины вспыхивали оранжевые огоньки. Сообразив, что к чему, притормаживал своего «коня» и Егор.

Обратно они возвращались намного дольше, чем добирались до бахчи. Но незадачливого мотоциклиста радовало уже то, что они движутся в Капчагай. Через заднее стекло машины было видно, что водитель и пассажир о чём-то оживлённо болтают, часто поворачивая друг к другу головы, Виктор активно жестикулировал, а мужик кивал ему. «Нормальный дядя оказался. А ведь не хотел останавливаться, – глядя на них, вспомнил Егор. – Задавлю, говорит, черти!»

На душе вдруг стало так хорошо, что он запел во всё горло: «Взвейтесь кострами, синие ночи! Мы – пионеры, дети рабочих...». В «Москвиче» услышали, повернулись посмотреть на него. Виктор одобрительно поднял вверх большой палец...

Возле съезда в их переулок «Москвич» остановился. Толстяк шустро выскочил из него, отцепил трос и сунул его в багажник, обнял Виктора, пожал Егору руку, повторяя:

– Всё, мужики, всё! Опаздываю я тут с вами... – и, газанув, умчался.

– Хороший дядька оказался, – помахал ему в след Виктор.

– Да, – согласился Егор. – Если бы не он... Чего этот не завёлся? – он снова утопил ключ в замок зажигания мотоцикла, крутнул ручку газа и наподдал ногой по кикстартеру. Мотор затарахтел.

– Чтоб тебя! – выпалили они хором.

– Чего тебе не хватало, коняка? – погладил Егор по бензобаку ожившую технику. – Садись, – кивнул он Виктору, – подъедем к самому крыльцу как короли!

– Только стоп! – предупредил Виктор – Давай не будем рассказывать про поломку, а? Кому это интересно... И про бутылку мужику – тем более. Работали, мол, работали на бахче, заработались и забыли про время. Хватились – уже вечер. Ладно?

На том и порешили. Егор, как и обещал, лихо подкатил к воротам, резко тормознул, заглушил мотор и нажал на кнопку звукового сигнала – мотоцикл громко пикнул. Тотчас же из ворот на улицу начали выходить домочадцы. На лицах у женщин были следы волнения попеременно с улыбками. Викторovy дети сразу полезли в освободившуюся коляску. Тётя Алла и Людмила начали теребить Виктора, вчерашние студенты обступили Егора. Вопрос у всех был один: «Почему так долго?» – они переволновались, издёргались... Но Виктор с Егором твёрдо держались своей версии. Один дядя Вася молча покуривал в сторонке и многозначительно посмеивался...

Потом гости до полуночи укладывали в дорогу сумки. Тётя Алла настаивала, чтобы каждая пара молодых взяла хотя бы по ведру груш и яблок, по паре арбузов и пяток дынь, по картонной коробке, набитой вялеными капчагайскими лещами. Всё это приготовила для них тётя Алла. Егор с Евгением пробовали сопротивляться, ведь это им предстояло утащить все подарки через пустыню на железнодорожный вокзал.

– Хватит уже, – оборвала Галка Егорово хныканье. – Завтра разберёмся.

Утром нового дня дядя Вася ушёл на работу, когда гости ещё спали. А тётя Алла перед уходом на работу позвала в свою комнату сонного Егора и сказала:

– На вокзал поедете на мотоцикле, Вася так сказал...

– А как же... – сразу проснулся Егор. – Где мы его там оставим? Уведут же!

– Раз Вася сказал, – отмахнулась тётя Алла, – значит, так и надо делать. Там сами всё увидите... А я поехала на работу, проводить вас не смогу, так что давайте прощаться.

Она попрощалась с каждым из гостей отдельно, с Галей обнималась дольше всех. И ушла. К станционному перрону они подкатили за

полчаса до прихода поезда «Ташкент – Новокузнецк». Здесь никого не было, кроме... дяди Васи.

Он выплюнул на землю потухшую папиросу и шутливо проворчал:

– Явились, наконец. Я уж подумал, что решили продлить медовый месяц... Выгружайтесь и не забудьте: поезд у нас стоит всего две минуты. А бабка Алла вон сколько вам подарков надавала, надо успеть хотя бы в тамбур всё побросать...

– Дядя Вася, а как же мотоцикл? – не выдержал Егор.

– Ай, – махнул тот рукой. – Когда-то же мне надо учиться ездить. Вот сегодня и начну.

...Состав ещё не остановился, а они уже начали грузить вещи в тамбур. Только сами запрыгнули, состав дёрнулся и плавно поплыл вдоль разогретого солнцем перрона.

– А где дядя Вася? – тревожно спросила Егора Галя. – Как сквозь землю провалился...

– Смотрите, вон он! – крикнула, показывая в окно, Татьяна. – Мотоцикл покати!

Егор высунулся в открытый оконный проём и увидел, как, всё больше отдаляющийся от них, дядя Вася катит своего железного коня по просёлочной дороге в сторону города. Он держит его обеими руками за руль и, упираясь ногами в песочную колею, толкает мотоцикл вперёд...

г. Кемерово,
сентябрь 2024 г.

Ночной извоз

Самолёт наконец-то приземлился в Алма-Ате. Рейс Новокузнецк – Алма-Ата вначале посадили в Душанбе: в Алма-Ате бушевала гроза. И Сергею с семьей пришлось несколько часов провести в душанбинском аэропорту. Непогода спутала все карты отпускников.

Наконец, гроза улеглась. Но прибыли в Алма-Ату уже ближе к полуночи. А добираться предстояло ещё до степного городка Капчагай, что отсюда в шестидесяти километрах. Понятно, рейсовых автобусов уже не было, они начнут ходить только со следующего утра. А на такси или попутке было дорого, жаль тратить на это свои отпускные. Сергей с женой Галиной и пятилетним сынишкой Артёмом уже мысленно начали обживать аэропортовскую лавочку. Как внезапно к ним подошёл длинноволосый молодой человек:

– Слышал, в Капчагай собираетесь, могу предложить доставку за полцены. Через полтора часа будете на месте. Всё лучше, чем ночевать в аэропорту.

Конечно, согласились Сергей с Галиной, за полцены – это уже заманчиво, ну его этот аэропортовский сервис, доберёмся до места и будем ночевать у родственников.

Парень подхватил их вещи и пошёл к машине – старенькой, выдавшей виды «шестёрке» «Жигулей», стоявшей в полумраке улицы. «Машина исправна, – предупреждая вопросы, сообщил он. – Доедем с ветерком».

За рулём авто уже сидел водитель, тоже молодой, но только коротко стриженный. Это слегка насторожило Сергея и Галину, но делать было нечего, и они разместились на заднем сиденье. Посидели минут пять молча.

– А почему не едем? – спросил Сергей стриженного.

– Пассажира ищем, – как бы нехотя ответил тот, – что же место пустовать будет. Ваш пацан не в счёт...

Сергей и Галина переглянулись. Но отступить было уже некуда. Вскоре появился лохматый в сопровождении полной молодой женщины, которая втиснулась на заднее сиденье, сам же парень занял место рядом с водителем.

Наконец, тронулись. Выехали с хорошо освещенной территории аэропорта на сумрачное ночное шоссе. Резво доехали до первого перекрёстка. И здесь произошло невероятное. На пустынном перекрёстке стоял автомобиль дорожной инспекции. Патрульный взмахнул жезлом, приказывая нашему водителю остановиться. Но стриженный вместо этого только резко прибавил газу.

– Делаем обрыв! – выкрикнул лохматый.

– Без тебя знаю, – оборвал его стриженный.

Завизжали на повороте колёса, и машина с погашенными фарами на большой скорости понеслась вперёд. Сзади послышался звук сирены, темноту разрезали огни мигалки.

И тут же в машине раздался визг ребенка:

– Не хочу в обрыв! – истерично закричал маленький Артём. – Не хочу в обрыв! Давайте выйдем!

У Сергея с Галиной сердце ушло в пятки. Что делать в такой ситуации, они просто не знали. Наконец, Сергей встряхнул сына: «Замолчи, без тебя тошно! Никто ни в какой обрыв не поедет».

Пассажиры испуганно притихли. А владельцы авто бурно начали обсуждать как лучше уйти от погони.

За окнами замелькали дома частного сектора, высокие глухие заборы. Погружённые во мрак, строения казались причудливыми и неприступными. Гонка продолжалась уже минут десять, «шестёрка» на большой скорости мчалась по улицам, подгоняемая воем сирены, сворачивала в переулки.

Патрульная машина стала заметно отставать, видимо, плохо ориентируясь в этом районе, а «Жигули» чувствовали себя здесь как рыба в воде.

Вскоре резко затормозили перед высокими воротами. Длинноволосый выскочил из машины, торопливо распахнул створки. Машина въехала в тёмный двор, ворота за ней закрылись.

Пассажиры сидели ни живы ни мертвы от случившегося. Звук сирены нарастал. А вскоре патрульная машина пронеслась мимо забора, за которым и притаились беглецы. Они выждали ещё несколько минут. Потом выехали на улицу, и, крадучись, не включая фар, буквально на ощупь поехали по ночному району.

Вскоре на пути встретилась небольшая речка. Ни моста, ни другой переправы не было видно. Стриженный затормозил, а его напарник вышел из машины, разулся и, закатав штанины брюк, зашагал по воде в свете ночных огней города. Вода не доходила ему до щиколоток, и вскоре он перебрался на противоположный берег. Машина осторожно проделала его путь.

А вскоре они оказались на самой окраине города. Здесь полная девушка вышла, пошутив напоследок, что, дескать, с этими гонками родить от страха можно. «Я поняла, – тихо прошептала Сергею Галя, – она беременная...».

До самого Капчагая вела отличная четырёхрядная автотрасса. «Шестёрка», весело шелестя шинами, бежала по ней. Напряжение в салоне машины спало. Парни громко обсуждали приключение, ругая лохов – патрульных, хваля себя за удачный исход.

– А что, парни, – вступил в разговор Сергей, – почему не остановились? Боялись, наверное, что права отберут за ночной извоз?

Те переглянулись между собой, и стриженный промолвил:

– Да нету прав-то, они изъяли их уже ...

– Ну, тогда могли номера снять, – не унимался Сергей. – А машину на штрафстоянку...

– Номеров тоже нет, – радостно сообщил стриженный. – Тоже забрали...

– Так, может, машина в угоне? – потускневшим голосом уточнил Сергей.

Парни переглянулись и вдруг захохотали, вернее, заржали как кони. Отсмеявшись, утирая слезы, стриженный сказал:

– Нет, машина наша, кормилица. А что сделаешь, если работы нет?! Вот и таксуем каждую ночь. А эти, – мотнул он головой, – пытаются нас куска хлеба лишить. Но сегодня наш день!

Он явно был доволен собой. Завязался разговор, непринуждённый настолько, насколько откровенной может быть беседа между случайно встретившимися людьми.

Время летело быстро, ещё быстрее бежала под колеса дорога. Перед въездом в Капчагай стояла будка поста автоинспекции. Не доезжая до неё метров двести, «шестёрка» осторожно свернула на обочину.

– Подождём немного, – пояснил стриженный. – От этих не убежишь...

– И как теперь? – заволновался Сергей.

– Сейчас увидишь, – усмехнулся длинноволосый.

Вскоре на дороге появился бензовоз, он ехал неспешно, аккуратно везя свой дорогой груз. «Шестёрка» догнала его и, пристроившись за ним, незаметно проследовала мимо поста в тени большегруза.

Наконец, у самого въезда в городок их остановил патруль военной автоинспекции. Осмотрев пассажиров автомобиля, военные козырнули и разрешили ехать дальше.

– С этими не забалуешь, – кивнув на автоматы, – растолковал стриженный. – Но им наши права по барабану, они, похоже, кого-то ищут...

Вскоре они подъехали к нужному дому. Длинноволосый помог даже донести багаж до квартиры.

– Обращайтесь, – шутливо предложил он. – Мы с братом поможем, если нашу кормилицу не конфискуют.

На том и расстались...

Справедливости ради, надо отметить, что отпуск прошёл на отлично. Правда, Сергей с Галиной ещё долго потом со смехом вспоминали это дорожное приключение.

г. Кемерово
апрель 2014 г.

(Публикуется по тексту сборника рассказов
«На картошку». – Кемерово, 2016 г.)

За границей дружбы народов

– Я это снимать не буду! Нет! Что я – больной!? Они же нам головы пооткручивают! – Виталий отпрянул от вагонного окна, за которым бушевала толпа разгорячённых молодых людей в чёрных кожаных куртках, штурмующая двери соседнего вагона.

Егор Чурсин с Виталием Кузьмицким ехали в пассажирском поезде Новокузнецк – Ташкент уже сутки и только что пересекли российско-казахскую границу. Когда отъезжали от Локтя – последней станции в Алтайском крае, проводники забегали по составу, готовясь к худшему. Начальник поезда Василий Иванович – невысокий, полноватый с седыми висками, выбивающимися из-под форменной фуражки, заглянул к ним в купе пустого резервного вагона, тревожно вздыхая, сказал:

– Скоро начнётся! Вы уж не высовывайтесь, на всякий случай. Мы ваш вагон открывать не будем, пассажиров сюда не пустим. Но, на всякий случай...

– А как же договор? – напомнил Егор. – Мы же по заказу дороги едем, Должны снять фильм о том, как варвары из ближнего зарубежья разбивают российские поезда...

– Парни, вы о здоровье и безопасности прежде думайте! – перебил его начальник поезда. – Ну, не снимете, и ладно, главное, чтобы головы были целы.

– Что, неужели так серьёзно? – спросил, улыбаясь, Виталий.

– Сами всё скоро увидите. Скоро... – и он быстро пошагал в «голову» состава.

...Виталий Кузьмицкий с Егором Чурсиным согласились поехать в эту командировку после встречи с начальником региональной железной дороги, который пригласил их, журналистов первого в области независимого канала телекомпании «Агентство информации «Копейка», который появился всего-то несколько месяцев назад, но уже завоевал высокий рейтинг у телезрителей.

На календаре стояло начало сентября 1992 года. Уже отметили первую годовщину неудавшегося «путча ГКЧП» и Беловежских соглашений, похоронивших Советский Союз. Все советские республики стали вдруг независимыми. Казахстан не был исключением из этого правила. А бывшие «окраины СССР» воспылали ненавистью ко всему российскому, обвиняя Россию во всех своих проблемах.

«Копейка» появилась на телеэкранах как альтернатива первому и второму официальным общесоюзным каналам. Других в то время ещё не было. Новый телеканал начал работать в регионе неожиданно, безо всякой предварительной рекламы – «раскрутки», как сказали бы теперь. Но народ его сразу приметил, люди начали терпеливо ждать его вечерних передач, которые резко отличались от царящих в эти дни на федеральном телевидении двух крайностей – тошнотворного официоза и «поливания» грязью недавнюю жизнь в СССР.

В «Копейке» ничего и никого грязью не поливали. Его телеведущие Виталий и Егор играли на экране роль этаких свободных журналистов, не примкнувших ни к одной из партий или думских фракций. Их девизом было: никакой политики. Они просто хохмили и чудачили, ездили по отдалённым районам, находили там талантливых людей: поэтов и музыкантов, художников и священников, крестьян и рабочих,

учёных, профессионалов любого ремесла, интересные творческие коллективы, – и подробно, с явным удовольствием рассказывали про них. При этом – прямо в кадре – парились со своими героями в бане, чистили картошку на ужин, купались в реке, копали огород, убирали снег, читали Коран...

Это было так живо, жизненно и необычно, что люди настраивали телевизоры «на них», как только Виталий своим хрипловатым, а Егор вкрадчивым голосами начинали очередную передачу...

Начальник железной дороги пригласил их в свой кабинет и попросил: «Помогите!». Этот высокий черноволосый красавец в тёмно-синей с иголочки форме с золотистыми звёздными нашивками на рукавах предложил популярным тележурналистам бесплатное путешествие в поезде в ближнее зарубежье – за счёт Министерства путей сообщения. В ответ они должны были сделать передачу о творящемся в этом самом зарубежье полном беспределе: поезда с российской территории в республики Средней Азии уходили, надраенные, блестя стёклами вагонов, а возвращались обратно с разбитыми окнами, поломанными дверями и полками, избитыми проводниками.

– С этим надо что-то делать! – удручённо говорил начальник дороги.
– Мы несём огромные убытки, люди не хотят идти в рейсы, увольняются, а руководство страны не принимает мер. Однако тут нужны меры международного плана, – горячился начальник. – Ваш фильм должен дать им понять, что нам самим с этим беспределом не справиться.

Договорились, что они выезжают на следующей неделе. В их полном распоряжении будет купе в резервном вагоне, где нет пассажиров, а могут отдыхать проводники, свободные от смены. Первые сутки они ехали тихо-спокойно. По очереди снимали на видеокамеру порядок в вагонах, пейзаж за окном, чёткую работу проводников. Записали небольшое интервью с начальником поезда, несколько реплик пассажиров, которые ехали, в основном, в гости к проживающим в

Казахстане или Узбекистане родственникам, оказавшимся теперь за границей.

Перед сном хорошо поужинали, присовокупив к домашним закускам бутылочку «белой». Язык Виталия, что называется «развязался», он говорил, как всегда, без умолку, эмоционально, перескакивая с одной темы на другую. Диалогов Виталий не любил. Про эту его особенность среди знакомых работников «пера и микрофона» даже ходила шутка: если едешь в командировку в одной машине с Виталием, радио можно не включать...

Такой уж характер: ему всегда нужны были свободные «уши», и эти уши в купе были. Егор, зная эту слабость товарища, изредка вставлял реплику, а больше – просто поддакивал да кивал головой. Ему нравился коллега по профессии, казалось, тот за товарища готов отдать последнюю рубаху...

А утром они переехали эту самую российско-казахскую границу. Никаких пограничных пунктов тогда ещё не было. И границу пересекали свободно, безо всяких задержек.

Первая станция на казахской земле называлась Аул. Подъезжая к ней, машинист дал протяжный гудок и так резко затормозил у перрона состав из двенадцати вагонов, что Егор с Виталием едва удержались на ногах. Они буквально прилипли к открытому в коридоре окну, пытаясь увидеть и даже снять на видео то, что на перроне будет происходить. Виталий включил и настроил небольшую видеокамеру формата Video Home Sistem. Этим недорогим, начавшим входить в обиход, оборудованием была укомплектована их компания.

А поезда дожидалась толпа местных жителей. В основном, это были молодые парни с раскосыми глазами, одетые все как один в чёрные кожаные куртки. Толпа волновалась, размахивала руками, со всех сторон раздавались громкие выкрики. Виталий, осторожно высунув в окно объектив камеры, начал снимать. Он видел, как проводник соседнего вагона Олег, у которого они вчера брали интервью, пытается что-то объяснить наседавшим на него парням, загораживая

вход в вагон. Как его медленно оттирают от входа, окружают со всех сторон и начинают бить по лицу, по груди и спине. В воздухе мелькают кулаки, в руках нападающих появляются железные пруты. Слышен звон разбиваемых окон, в том числе в их резервном закрытом пустом вагоне, крики:

– Это наша земля!

– Это наша страна!

– Нам не нужны билеты на этот вонючий поезд!

– Нам надо ехать, и мы поедem!

Местные штурмовали вагоны, по одному просачиваясь внутрь. Виталий с Егором заметили, что некоторые из нападавших начали присматриваться к закрытым дверям и их вагона. Вот тогда Виталий громко зашептал:

– Я это снимать не буду! Нет! Что я – больной!? Они же нам головы пооткручивают!

Он отпрянул от окна, за которым бушевала гурьба молодых людей, желающих уехать, во что бы то ни стало. Егор осторожно закрыл окно. И они медленно отступили в своё купе, заперев дверь на замок.

Из коридора слышались удары и звуки разбитых стёкол, гул волнующейся оравы.

– Что будем делать, если они в наш вагон полезут? – спросил Виталий, испуганно глядя на Егора. Тот вместо ответа только развёл руками.

В ту же минуту раздался длинный гудок электровоза, состав дёрнулся и двинулся с места, медленно набирая ход. Звук толпы вначале усилился, потом начал ослабевать. Наши притихшие путешественники сидели в купе, боясь высунуть нос. Минут через десять в дверь их купе постучали. Парни переглянулись, Виталий поднёс палец к губам. Через несколько секунд послышался скрежет ключа о дверной замок, дверь начала открываться и... на пороге стоял начальник поезда Василий Иванович. Вид у него был взъерошенный: форменная фуражка

сбилась на затылок, из-под неё торчали всклокоченные волосы, галстук сдвинут на сторону, ворот белой рубашки надорван.

– Ну, что, видели?! – почти прокричал он, ещё не отойдя от недавней схватки. – Опять всё разбили, билетов ни у кого нет! Шестерых проводников избили... Понабились в вагоны. До Семипалатинска будут ехать или до Аягоза. И никакой тебе милиции! Кому нужна такая работа? Независимость, мать её! Почти тридцать лет на «железке» служу, никогда такого не было...

– Да, мы видели, – перебил его Виталий.

– Даже пытались снимать кое-что, – добавил Егор. – Посмотрим, может, что и удалось зафиксировать.

– Рисковые вы ребята! А если б они вас заметили? Могли побить, а камеру вашу – в утиль, – горячился начальник.

– Не заметили, – успокоил Егор. – Что же теперь с пострадавшими делать будете?

– Думаю, в этом вагоне лазарет устроить. Пойду до фельдшера, посоветуюсь. – Василий Иванович вышел из купе.

– Давай пройдемся по вагонам, – предложил Егор, – будто обычные пассажиры, посмотрим на этих парней.

– Хочешь – иди один. – Виталий прятал глаза от товарища. – Чего на них смотреть?

– Ладно, сиди, – Егор похлопал его по плечу, – скоро вернусь.

Он вышел в коридор, где под ногами хрустели стеклянные осколки, а в разбитые окна врвался степной ветер. В одном из соседних купе, в открытую дверь которого заглянул Егор, обрабатывали синяки и ссадины трём пострадавшим проводникам. Как выяснилось позже, у ребят оказались сломанными несколько рёбер.

Егор открыл специальным ключом двери тамбура, прошёл через него, тщательно закрыв за собой замок. Он медленно двигался по заполненным до отказа вагонам. Молодые люди восточной

внешности, в кожаных куртках заполнили все нижние полки, потеснив пассажиров с билетами. Те испуганно жались друг к другу, украдкой поглядывая на непрошенных хозяев независимой республики.

«Хозяева» вели себя развязано: громко что-то обсуждали на родном языке, оглушительно хохотали своим шуткам и вызывающе поглядывали на остальных пассажиров. Кое-кто даже курил, выпуская в потолок клубы дыма, а замечание сделать было некому.

Вагон качнуло и Егор, пытаясь удержать равновесие, споткнулся о чьи-то выставленные в проход ноги. Владелец ног в скрипучей кожанке тут же вскочил на ноги, надвинулся на него, принимая боксёрскую стойку. Егор начал извиняться, прижав руку к сердцу. Обиженный молодчик толкнул его в плечо и, повернувшись к своим, сказал им что-то, парни громко заржали, с презрением глядя на Егора. Тот развернулся и направился к себе.

...К середине вторых суток проехали Капчагайское водохранилище, раскинувшееся в широкой степи. На краю горизонта неизменно белели вершины гор. Состав на пару минут «тормознул» на станции «Капчагай», и Егор во все глаза смотрел на знакомые места, куда он приезжал не раз – в гости к родственникам его жены Галины. Дядя Вася и тётка Алла уже несколько десятков лет жили здесь в этом небольшом городке.

Вначале Егор с Галиной приезжали сюда в летние месяцы вдвоём, а потом и с сыном. Это было в благословенные годы студенчества и в годы его работы в редакции городской газеты в Сибири.

В последнее время поездки в Казахстан пришлось прекратить: жизнь не только в стране, но и во многих семьях пошла наперекосяк. Катастрофически стало не хватать денег. А после страна на удивление быстро разбежалась по своим национальным квартирам, и ездить в ближнее зарубежье вообще стало небезопасным. Галина иногда созванивалась с родными в Капчагае или изредка отправляла им письмо. Лишь репортёрская работа снова привела Егора в знакомые места, вызвав приступ сильнейшей ностальгии...

– Слушай, Виталий, – осенила Егора идея. – А что, если мы с тобой «тормознёмся» здесь на пару дней у моих родственников? Хочешь? В море искупаемся, фруктов поедим!

– Конечно, хочу! А как это, – восторженно воскликнул Кузьмич. – Объясни ход мыслей...

Егор сбивчиво и торопливо начал выкладывать внезапно пришедший план. Сейчас, говорил он, мы доедем до конечной точки маршрута – Ташкента. Поедем с этим экипажем поезда назад. А на станции «Капчагай» сойдём. Погостим в городке у родственников пару дней. А потом сядем на следующий поезд из Ташкента до Новокузнецка. Туда поезд идёт по чётным числам, обратно – по нечётным. Так что, не ошибёмся.

– А нас на него посадят? – недоверчиво спросил Виталий.

– Так мы через начальника поезда передадим нашу просьбу. Думаю, нас поддержат. Скажем, решили углубиться в изучение проблемы, чтобы фильм вышел колоритнее...

На вокзале в Алма-Ате состав стоял минут сорок. На улице вовсю светило жаркое полуденное солнце. Егор с Виталием прошлись вдоль вагонов, по очереди делая видеокадры пустых оконных глазниц вагонов и пробитых в стекле дыр, опутанных паутиной трещин, записали короткие эмоциональные мнения пассажиров-очевидцев и пострадавших проводников о хулиганском налёте на состав. Удалось даже взять интервью у машиниста, который очень переживал за техническое состояние поезда.

Потом поснимали привокзальную площадь. Но особо радовали Егора панорамы ослепительно блистающих горных вершин – они вплотную подступили к столице Казахстана. Егор установил камеру на штатив, присоединил микрофон, и они с Виталием записали на видео сами себя, так называемый «стендап», дуэтом подробно поделились в кадре своими впечатлениями о первой части путешествия.

До конечной точки ехать оставалось несколько часов. Этот отрезок пути прошёл без приключений. На земле Узбекистана, который в конце лета 1991 года тоже заявил о своей независимости, никаких эксцессов не произошло. В Ташкент прибыли в первой половине дня.

Василий Иванович объявил телевизионщикам, что стоять будем четыре часа: состав поставят на запасной путь, за это время поездная бригада проверит техническую часть, получит продукты для вагона-ресторана, постельное бельё, сделает уборку в вагонах, может быть, наскоро «залатает» разбитые окна.

Они вышли в город налегке, взяв с собой только видеокамеру и штатив. Большая привокзальная площадь неприятно удивила своей неприбранностью, сквозняк гонял по ней обрывки газет, под ноги то и дело попадали огрызки яблок, корки арбузов и дынь. В прогретом воздухе носились запахи плавящегося под солнцем асфальта и дыма древесного угля, на котором где-то поблизости готовили еду.

Небольшое «стадо» из «Жигулей» и «Москвичей» припарковалось поблизости от вокзала, их владельцы громко зазывали клиентов прокатиться по городу. Виталий сунулся к ним, но, узнав цену, сказал Егору: «Лучше мы ножками походим!»

Они поснимали здание вокзала, большие часы, которые украшали вход. А потом обнаружили, что рядом станция Ташкентского метро.

– Давай устроим путешествие под Ташкентом, – предложил Егор. – Испытаем местное метро...

В подземном переходе они внимательно изучили схему метрополитена: станций было немного, все они располагались на двух ветках – синей и красной.

«Ташкентский метрополитен имени Ленина», – прочитал Егор выполненную большими золотыми буквами надпись на стене. В кассе принимали российские рубли, в обмен на которые им выдали жетоны для прохода через турникет.

Они попали на платформу «Ташкентская». Она была неглубокой, выглядела грязновато, темновато и малоллюдно, однако отделана довольно красиво, с вычурной вязью – мозаикой из восточных узоров на стенах и потолке.

Только Егор начал расставлять треногу штатива для съёмок, как подошёл взявшийся ниоткуда милиционер, козырнул и вежливо предупредил на чистом русском, что снимать в метро запрещено. Виталий с Егором переглянулись, пожали плечами и заторопились на посадку.

Они ехали в электричке подземки, которая ничем не отличалась от той, что ходит в Московском метро. Разве что здесь было больше пассажиров с восточным типом внешности. Зато некоторые станции носили привычные названия – «Комсомольская», «Пушкинская», «Дружбы народов». На стенах этой последней красовались гербы всех пятнадцати – ещё совсем недавно – Союзных республик, на равных входящих в СССР.

– Да, тут им многое ещё предстоит переименовать, – язвительно заметил Виталий. – Добавить национального колориту...

Катанием в метро их знакомство с Ташкентом и закончилось. На одной из остановок они вышли и вернулись назад. На привокзальной площади съели по большой порции вкусной наваристой шурпы, которую тут же громко нахваливал ошпаз, что по-узбекски значит «повар». И пошли искать свой поезд...

Через сутки, следующим вечером, Егор и Виталий сошли на казахской станции «Капчагай». С тех пор, как Егор был здесь в последний раз, мало что изменилось. Небольшой станционный вокзал по-прежнему был украшен вывеской «Магазин. Бакалея-Гастрономия». Кроме этого здания в округе больше не было ничего примечательного. Повсюду простиралась бесконечная степь с редкими колючими кустиками. Вечернее солнце ещё припекало.

По знакомой Егору тропинке они направились в сторону города, который пристроился к самому берегу водохранилища. Егор отметил,

что на воде не видно привычных раньше белых парусов яхт, сигарообразных тел судов и судёнышек. Эта пустота неприятно поразила...

Он легко шагал впереди Виталия, неся в одной руке сумку с вещами, в другой – кофр с видеокамерой, за спиной висел одетый в чехол штатив. Руки Виталия были свободны, а за его плечами покоился огромного размера рюкзак, с которым он не расставался ни в одной из командировок.

Об этом рюкзаке среди коллег-журналистов ходили настоящие легенды. Чего только в нём не было. Однажды летом, роясь в чреве своего необъятного «хранилища», Виталий извлёк на свет валенки. «Никогда не знаешь, что и где может вдруг пригодиться», – назидательно рассудил он в ответ на немой вопрос товарища. Поэтому Егору иногда очень хотелось заглянуть внутрь знаменитого рюкзака, но Виталий бдительно охранял свою «святыню».

Егор хорошо знал дорогу, поэтому они довольно быстро оказались перед серой крупнопанельной пятиэтажкой, где в однокомнатной квартире обитали родные Егоровой жены. Когда-то те жили в небольшом, но уютном домике, который стоял посреди яблоневого сада. Егор помнил, как приезжая в гости, едал здесь прямо с огорода фрукты и овощи, вкуснее которых ничего не было. Однако местные домостроители добрались до того зелёного уголка в жарком степном городе. Деревянные дома снесли, на их месте возвели каменные многоэтажки, в каждом – по несколько подъездов. В народе такое жильё давно окрестили «хрущёвками». В них и переселили бывших владельцев капчагайских садов.

Подойдя к нужному подъезду, Егор окинул взглядом фасад дома. И вновь его неприятно поразило, что некоторые окна выглядят сумрачно и неухоженно, будто в этих квартирах никто не живёт. Хотя он знал, что большинство квартир должны были занимать со своими семьями офицеры Советской армии. В вечернем воздухе двора не

слышался, как раньше, гомон детских голосов. Да и лавочки возле дома были пусты.

В тускло освещённом подъезде стояла непривычная для этого вечернего времени тишина. Хотя Егор помнил, как раньше почти из-за каждой двери доносились звуки телевизоров или голоса хозяев.

Они поднялись на третий этаж. Егор вначале не узнал входную дверь. Он хорошо помнил, что раньше это была обычная деревянная дверь в квартиру, теперь же вход был укреплён металлической дверью. Он трижды коротко нажал кнопку звонка. В ответ не раздалось ни звука. Несколько минут они стояли на лестничной площадке в полной тишине, молча переглядываясь. Потом за дверью что-то звякнуло и голосом тётки Аллы спросили:

– Кто там?

– Тёть Алла, это я, Егор! – буквально крикнул он, облегчённо выдохнув: слава Богу, хозяева дома. Ведь заехали-то они в гости, никого не предупредив.

Но второй тёткин вопрос насторожил его:

– Какой Егор? Мы никого не ждём...

– Я – Егор, муж Галины. Вам от неё большой привет! Вы, что, совсем забыли нас?

За дверью зашебуршало, и она слегка приоткрылась, удерживаемая цепочкой. В образовавшейся щели показался большой тёткин нос и один её недоверчивый глаз. Впрочем, тут же дверь широко распахнулась:

– Господи, Егор! – тётка, обряженная в цветной домашний халат, шагнула за порог, крепко обняла Егора, чмокнув в щёку. Пополнела, отметил Егор, неприметно рассматривая её, добавилось седины в коротко стриженных волосах.

– Васька! – оглянувшись, крикнула она. – Да иди же сюда! Посмотри, кто к нам приехал!

Из квартирного нутра раздавался тихий звук работающего телевизора. Через несколько секунд на пороге возник сам хозяин – дядя Вася. Егор тут же узнал его лицо кирпичного от загара цвета, украшенное мясистыми губами, из которых, как всегда, торчала недокуренная «беломорина». Но особой приметой дяди Васи были его усы – большие, как у маршала Будённого. Только их концы, раньше закрученные по-боевому, теперь безвольно свисали вниз, придавая необычности его бритой налысо шишковатой голове. Он был одет в наутюженные брюки, перехваченные на впалом животе кожаным ремнём, и рубашку с закатанными рукавами.

– Ха! – радостно произнес он. – Здорово, Егор! Какими судьбами? – он долго сминал Егорову ладонь своими грубыми шершавыми пальцами.

– А это кто с тобой? – хозяйева, наконец, увидели, что Егор не один.

– Мой товарищ и коллега Виталий Кузьмицкий. Вместе работаем на телевидении, – представил он своего спутника.

Тот опустил глаза в пол, нахмурился от смущения. Потом, вложив в свой голос с хрипотцой как можно больше задушевности, произнёс:

– Мы ненадолго к вам, если можно? Всего на пару дней. Постараемся не утомить...

– Да что же мы стоим!? – всплеснула руками тётка. – Проходите, гости дорогие!

– Давай, давай! – посторонился дядя Вася, пропуская парней.

Тётя Алла быстро собрала на стол. Крупно накромсала хлеб, налила гостям по большой чашке борща, нарезала тонкими ломтиками колбасу, вкусно пахнуло от кусочков солёного жереха. Появились на столе и традиционные овощи – помидоры, малосольные огурчики, болгарский перец.

– Только выпить нечего, – вздохнула она. – Уж не обессудьте...

– Это мы сейчас поправим! – успокоил хозяев Виталий и направился в коридор к своему чудесному рюкзаку.

Он долго рылся в его необъятном чреве, изредка отстраняясь от него и о чём-то раздумывая, потом снова нырял в его нутро. В конце концов, удовлетворённо отдуваясь, извлёк на свет поллитровку водки и подал её дяде Васе: «Прошу!»

Тут же все сели за стол, выпили, закусили. Потом выпили ещё по одной. Гости, к удовольствию хозяйки, нахваливали борщ. Разговор пошёл живее. Егор с Виталием рассказали, как они оказались здесь. Поинтересовались у хозяев, почему так быстро сходит на нет то, что ещё недавно именовалось нерушимой дружбой советских народов.

Тётку будто прорвало, видно было, что у неё накопело из-за всех этих событий. Дядя Вася поддакивал да изредка вставлял одно-два слова. Они поведали, что Капчагай покинули военные местного гарнизона. В их доме проживало много семей офицеров – теперь все они выехали, бросив жильё, даже мебель и другие пожитки. Квартиры стоят пустые. И их нередко грабят банды из местной молодёжи – ломают замки, выбивают стёкла.

Часть пустых квартир заняли семьи местных. «Захватили», – подчеркнула тётка. – А власти не имеют к этому никакого отношения, пустили всё на самотёк».

– На работе – тоже неладно, – вздыхала она. – На нас, российских, местные стали смотреть искоса. Хоть у нас, на ГЭСе, хоть у Васи на заводе.

– Ага, именно так, – подтверждал дядя Вася, – разминая очередную папиросу.

– Говорят, что мы – захватчики, что Россия много лет выкачивала отсюда все богатства. Многих наших увольняют с работы, особо тех, кто занимал хоть маломальскую должность. Люди теряют работу и уезжают в Россию, – распалившись, вещала тётка. – Много наших уже поухало. И уже из России пишут, что и там они тоже никому не нужны, маются по чужим углам без жилья, без работы...

– Как же так, Егор? – с болью в голосе спрашивала она. – Мы тут десятки лет живём, честно работаем. У Васи среди местных столько друзей было! Сейчас никого нет, отвернулись, будто мы бандиты какие...

– Мы и сами начали подумывать: не переехать ли в Россию, – развёл руками дядя Вася. – Только бригадир на заводе всё останавливает – уедешь, мол, кто работать будет?!

– У Васи руки-то золотые! – тётка с гордостью взглянула на мужа. – На нём ползавода держится.

– Ладно, не перехвали, – отмахнулся дядя Вася. Но по его довольному виду было ясно, что он согласен с её словами.

– Дочки наши с внуками отсюда уже уехали, – горестно продолжала тётка. – Скучно нам без них, прям, сердце разрывается...

Обычно разговорчивый, Виталий притих от этих откровений.

– Может, вам тоже подумать, да и махнуть в Россию? – предложил Егор.

– Мы уж по-всякому прикидывали, – выпустил дым в потолок дядя Вася. – Тут у нас работа, дом. А там – что? Кто нас ждёт? Кому мы нужны?

– Если б квартиру здесь нормально продать, то там можно было бы купить! А так, – подхватила тётка Алла. – Здесь все, кто уезжает в Россию, квартиры или просто бросают, или продают за такую цену, что хватает заплатить только за отправку железнодорожного контейнера с вещами... А жить где и на что? А если Россия нам пенсии не даст? – она подпёрла руками голову и неподвижно сидела за столом, уставившись в одну точку, будто в ней сходились все нити приключившихся нынешних бед.

– Бросила нас Россия, – вздохнул дядя Вася, яростно гася папиросу в полной окурков пепельнице. – А эти... ходят по нашим квартирам, страшат, не уедете – хуже будет! Ходите, мол, по нашей земле и оглядывайтесь... – он вновь потянулся к пачке с папиросами.

– Ты бы не курил так много, Вася, а то сильно кашлять начал.

– Верно, давайте лучше выпьем за то, чтобы все ваши беды сгнули, – Виталий поднял свою рюмку.

...На следующее утро гости проснулись, когда солнце стояло уже высоко. В квартире никого не было – хозяева ушли на работу. Места в однокомнатной квартире было немного, поэтому тётка постелила им на полу. Жестковато, конечно, но спали они – после поездки и позднего застолья – крепко.

Тетка написала им записку про завтрак и обед – на столе и в холодильнике, советовала сходить на рынок и на море – искупаться. В Сибири-то купальный сезон давно завершился, а здесь вода была ещё тёплая – купайся, сколько влезет.

Они поели. Потом поспорили: надо или нет брать с собой на прогулку видеокамеру. Виталий горячился и предлагал поснимать жизнь городка на видео. Осторожный Егор настаивал на том, чтобы просто прогуляться, оценить, так сказать, обстановку, а там видно будет:

– Ты вспомни, как они поезд штурмовали! Как бы и нам не наkostenяляли, да ещё казённое оборудование угробим...

Решили просто погулять.

На улицах Капчагая в будний день было немногочисленно. Они шли по нагретому асфальтовому полотну дороги в сторону местного рынка, крутили головами, осматривая окрестности. Этот заграничный теперь город внешне мало чем отличался от своих российских собратьев: такие же дома, знакомые названия улиц, одинаковые автомобили изредка проезжали по шоссе. И проходим до них не было дела.

Вдалеке блестела гладь водохранилища, уходила за горизонт, а над горизонтом величественно парили, переливаясь на солнце, далёкие вершины Заилийского Алатау. Вдоль трассы тянулись светло-серые панельные пятиэтажки. Большинство из них появилось здесь, видимо, в самом конце 1980-х годов, потому что Егор не припоминал этих домов с момента последнего отпуска, проведённого здесь ещё в советские времена.

Рынок начинался прямо от края дороги. На него указывали символические ворота – два закопанных в песок столба да горки дынь, арбузов, болгарского перца, помидор, яблок, других овощей и фруктов, возвышающиеся прямо на песке на утопанной площадке. Возле каждой на корточках сидел продавец и, завидев покупателей, вскакивал на ноги и принимался нахваливать свой товар.

Покупателей почти не было. Хотя раньше, бывало, даже в будние дни здесь толклось немало разного люда: торговались, приценивались, вели бесконечные разговоры. Сегодня парни стали едва ли не единственными посетителями, поэтому им оказывали повышенное внимание.

– А что, ребята, откуда к нам в Казахстан приехали? – спросил их высокий мужчина лет сорока, с плоским тёмным лицом, обрамлённым коротко стриженными чёрными как смоль волосами. Его голову прикрывала круглая плоская матерчатая шапочка-тюбетейка. Поверх не очень свежей на вид светлой рубахи был накинут длинный цветной распашной халат, шаровары заправлены в короткие кожаные сапожки тёмного цвета. Он стоял рядом с довольно высокой кучей золотистых круглых дынь сорта «колхозница».

Виталий сразу остановился, с интересом разглядывая аборигена:

– А вы-то сам – местный? – ответил вопросом на вопрос.

– Я-то из Каскелена. Не так и близко отсюда, – охотно откликнулся высокий. – Но вы, чувствую, ещё дальше живёте?

– Мы из России, из Сибири, – Виталий думал, что удивит продавца, однако тот лишь с усмешкой поглядывал на них.

– Ну и как там, в России? Тоже, поди, с работой проблемы? У нас в Каскелене за последнее время лучше не стало. Вот и езжу сюда, дыню продаю.

– У вас же там крупнейший в Средней Азии рынок, – вспомнил Егор. – Я бывал – не протолкнуться...

– Да не всё же у нас с рынком связано. Завод наш вот остановился. Сказали – временно. Только я думаю, – надолго это. Такая страна развалилась! Да что страна, люди на глазах меняются... А жить как-то надо. На нашем рынке тоже продавцов стало больше, чем покупателей. Да и знают меня там все, торговать дома – душа не лежит. Вот и езжу по городам, дыню продаю. Берите! Сладкая – сам выращивал! Продам недорого...

Взяли дыню, не торгуясь. Она золотилась упругой корочкой, распространяя аромат спелости.

– Куда теперь? – спросил Виталий.

– Давай – на море, – ответил Егор, не задумываясь. – Уверен, вода ещё такая тёплая.

Путь до берега был неблизкий. Перешли через шоссе, миновали короткую тенистую улочку частного сектора. За последними садами всё шире открывалась песчаная равнина с редкими колючими стеблями и пучками сухой травы. Дорога привела прямо на пляж с набегаящими на берег мелкими неторопливыми волнами. Ветер с моря дул едва-едва. Уходящая влево и вправо береговая линия была пустынна так же, как и серебристая гладь водохранилища. Егор снял кроссовки, носки и тронул воду ступней.

– Парное молоко, – отметил с удовлетворением.

Только после этого Виталий начал стаскивать с себя футболку. Они разделись на влажной кромке песка. Дыню Егор прикрыл джинсами, чтобы не бросалась в глаза. Он вошёл в воду первым, Виталий, будто нехотя, последовал за ним.

Песчаное дно было мягким и полого уходило в воду. Они долго брели всё дальше от берега в поисках глубины. Наконец, вода достала до пояса, и Егор нырнул. Виталий – за ним.

Егор плавал так себе, проплыв немного, встал на ноги и начал плескаться в прозрачных волнах. А Виталий, уплывая всё дальше, грёб то обыкновенными саженками, то переходил на баттерфляй,

выбрасывая тело над водой. Он заплыл так далеко, что Егор едва видел его макушку. Потом Виталий перевернулся на спину, лежал на воде, отдыхая...

Егор уже с час валялся на песке, капли воды на его худощавом теле высохли. Жмурился от яркого солнца, лучи которого проникали прямо под веки, успел даже вздремнуть, пока, наконец, рядом с ним не примостился Виталий. Егор привстал на локте:

– Эх, дыньку бы попробовать, да резать нечем...

Виталий ухмыльнулся, потянулся к своим джинсам и достал из заднего кармана небольшой перочинный ножичек.

– Ну, ты – гений! – восхищенно отреагировал Егор. – Давай, я её покромсаю.

Дыня оказалась сладкой, словно мёд. Они в несколько минут расправились с ней. Посидели, мечтательно глядя на водную даль, и снова решили окунуться.

...Солнце склонилось к западу, когда они, наконец, покинули пляж. Усталость от купания приятно отдавала в мышцах. Они неторопливо прошли по равнине, добрались до первых невысоких деревянных домов, скрытых в зелени плодовых деревьев. У ближайшего к ним забора, где начиналась узкая улочка, которую им предстояло пройти, сидела на корточках кружком группа местных парней – шесть-семь человек. На вид им было лет по восемнадцать-двадцать. Они «гоняли» по кругу толстую самокрутку, по очереди основательно прикладываясь к ней, прикрывая от удовольствия глаза, выпуская дым через ноздри, и лениво перекидывались короткими фразами на родном языке.

Егор с Виталием попытались пройти мимо них на улицу, но только поравнялись с ними, один из парней, невысокий, худой, коротко стриженный, вскочил на ноги, схватил Егора за руку, сильно и резко дёрнул на себя.

– Куда? А ну, стойте! – прикрикнул он по-русски.

Парни громко засмеялись, а Егор едва не упал в самую середину их круга, но всё равно оказался там, сделав по инерции несколько шагов. Он растерянно смотрел на них сверху вниз, а они даже не поднимали на него глаза.

– Может, забьешь с нами «косячок»? – один из них протянул ему самокрутку.

– Не-а, – ответил он как можно спокойнее, – не курю...

– А может, брезгуешь? – спросил предлагавший. – Приехал к нам и нами брезгуешь?!

– Да не курит он, правду говорит, – подал охрипший от волнения голос Виталий.

– А тебя-то мы и не спрашиваем, – отреагировал стриженный. – И куда же мы, такие деловые, идём? – прохрипел он, передразнивая Виталия.

– Кто вас сюда, к нам, пригласил? Вам что, на родине места мало?!

– Но ведь у вас свободная страна! И поездка в неё не запрещена, – осторожно ответил Егор. – Вы тоже можете к нам свободно приехать. Даже будем рады...

– Да бывал я у вас и не раз, – ощерился стриженный, – живёте лучше нашего. А за счёт чего? За счёт наших богатств, нашего мяса, рыбы! Не будет больше такого, поняли?!

– Ладно тебе, Жамиль, плюнь на них. Пусть идут. Держи-ка лучше, – кто-то из окружения протянул стриженному самокрутку. Егор уловил незнакомо-сладковатый запах её дыма.

Жамиль глубоко затянулся, задержал дыхание и выдохнул дым через ноздри прямо в лицо Егору. Тот задохнулся, закашлялся, руками разгоняя дымное облако и шагнул за пределы живого круга. Они с Виталием быстро рванули вдоль по улочке под несущийся им вслед гогот молодых курильщиков.

С дядей Васей они столкнулись прямо возле подъезда его дома. В каждой руке дядя Вася держал по большому бумажному мешку.

– Парни, хорошо, что я вас встретил. Ну-ка, помогите, – он отдал им мешки и облегчённо вздохнул.

– А что здесь, дядь Вась? – переводя дыхание, спросил его Егор.

– Так рыба же, копчёная. Объедение! В заводском магазине взял – вам подарок, – дядя Вася с довольным видом похлопал Егора по спине. И пока они поднимались по ступенькам на свой этаж, Виталий на ходу нетерпеливо заглянул в свой мешок, вытащил за хвост крупного золотисто-коричневого копчёного леща.

– Это же обалденная вкуснятина! – охнул он. – Ты когда-нибудь ел что-нибудь подобное?! – он не отрывал восхищенного взгляда от рыбы.

– Я-то как раз ел, – успокоил его Егор. – Знаю вкус этого чуда местной гастрономии...

По квартире тоже распространялся не менее вкусный запах: тётя Алла готовила ужин – настоящий, праздничный. Дядя Вася велел им вынести мешки на балкон. Мужчины включили в комнате телевизор и стали ждать приглашения за стол. Целый день, проведённый на пляже, давал о себе знать – желудки гостей основательно подвело.

Тётка запекла в духовке курицу, сдобренную местными специями, нажарила крупными кусками свежего сазана, нарезала овощей, зелени, болгарского перца. Она успела приготовить и знаменитое блюдо местных корейцев под названием «хе» – из мелких замаринованных в уксусе сырых кусочков рыбьей мякоти. Сварила и вкусную дунганскую лапшу с сочным мясным фаршем, слегка приправленную красным жгучим перчиком и кориандром. В центре стола красовалась бутылка коньяка.

Они сели ужинать здесь же, на кухне, за широким приставным столом. «Посидим по-домашнему, чтобы к печке не бегать взад-вперёд», – предложила тётка и начала угощать гостей с хлебосольством широкой русской души. Егор давно так вкусно и обильно не едал. Да и Виталий едва переводил дух, приговаривая в рифму: «Дунганская лапша! Как же ты хороша!» или «Ну и «хе»! Хе-хе-хе!»

И коньяк был кстати.

Тётя Алла покраснелась – и от жара газовой плиты, и от хорошего аппетита гостей.

– А ведь я, Егор, сегодня пораньше с работы отпросилась, – сообщила она с заговорщицким видом. – На рынок зашла, купила вишню и мелкий абрикос. Сварю вам по ведру варенья: вам с Галей – абрикосовое, а Виталию – вишнёвое. Повезете от нас в Сибирь.

Егор прямо-таки оторопел от такого щедрого предложения:

– Тётя Алл, а может не надо? Ну, чего вы будете полночи возиться? Да ещё целое ведро! Тащи его... Не надо!

– А мне надо! – неожиданно перебил его Виталий. – Если Егор не хочет, я оба ведра варенья возьму – и вишнёвое, и абрикосовое! Сварите, тетя Алла, пожалуйста. Мои дома всё съедят!

– Так я... – начал было Егор.

– Молчи уж, – снова оборвал Виталий, оглаживая куриную ножку. – Отказался, так молчи. Заберу оба, не переживайте... – улыбнулся он тётке Алле.

Егор смотрел на него широко раскрытыми глазами, кажется, он впервые видел простоватого, на первый взгляд, Виталия в новом свете, оторопело молчал, опустив глаза в тарелку, медленно переваривая поведение друга, пытаясь мысленно оправдать его тем, что в эти трудные годы нелегко прокормить своих детей.

«Как быть в этой ситуации? – досадливо размышлял он, ковыряя вилкой кусок жареной рыбы. – Хотел пожалеть тётку, а вышло... Что ты с этим Виталием сделаешь! С другой стороны: слово – воробей, вылетело – задний ход теперь не дашь».

Неловкую паузу прервал дядя Вася:

– А давайте ещё по одной! – призвал он, разливая по рюмкам благословенный напиток.

Уже под чай Егор с хозяевами начал обсуждать родственные новости и проблемы. Дядя Вася, по обыкновению, закурил папиросу, пуская дым в потолок.

– Не переносу дыма, – сказал, поднимаясь из-за стола, Виталий. – Тётя Алла, вы сразили меня наповал вашими необыкновенными кулинарными способностями, я приятно шокирован! Огромное спасибо! – произнёс он с патетикой в голосе. – Пойду, гляну теленовости.

Вскоре из комнаты донеслись звуки телевизора.

– Вы когда домой? – спросил у Егора дядя Вася.

– Поезд завтра, в обед...

– Да, что-то совсем скоро... Мало погостите. Тошно здесь нам стало... Не то, что раньше. У меня среди местных столько друзей было! Как-то быстро наша дружба народов закончилась... Объясни, почему? – снова начал он знакомую тему.

Они сидели на кухне за неубранным столом, негромко переговариваясь, и вздыхали от невесёлых мыслей. Тётка здесь же возилась с ягодой и фруктами, готовясь к варке варенья, и изредка выглядывала в раскрытое настежь окно.

Вдруг она замерла, что-то внимательно высматривая за окном. Потом на цыпочках подошла к столу, с трудом сдерживая смех. «Чего ты?.. – начал было дядя Вася. Она приложила палец к губам и прошептала: «Тсс, посмотрите на балкон», – и поманила их к окну.

Первым смотрел дядя Вася. Он глядел, вытянув вбок шею, с полминуты, потом отскочил в сторону, уступив место Егору. Дядя Вася зажал ладонью рвущийся наружу хохот и только тихо всхлипывал: «Гы-гы-гы...».

Из окна был хорошо виден зарешёченный балконный угол. Там на полу сидел на корточках Виталий. Перед ним виселась куча из принесённых дядей Васей рыб. Виталий брал сразу двух лещей – по одному в каждую руку, примеривался к их размеру. Того, что

покрупней, опускал в правый от себя мешок, а того, который мельче, – в левый. Он был так увлечён этим делом, что не видел ничего вокруг.

– Ну и друг у тебя! – сказал дядя, оттаскивая Егора от окна.

– Ей Богу, я пойду, скажу ему! – шипел в ответ пунцовый Егор, сопротивляясь крепким дядькиным рукам.

– Не надо! – вмешалась тётка, – пусть его. Как уснёте, я ночью опять всю рыбу перетасую.

На том и порешили. Успокоились. Дядя Вася выкурил ещё папироску. Посидели, подождали. Потом пошли в комнату. Виталий сидел на диване, как ни в чём не бывало, щёлкал пультом телевизора, перебирая каналы.

– Может, укладываться будем? – предложил он. – Что-то я устал сегодня. А завтра – да-а-а-ленья дорога! – сказал он нараспев. Видно было, что настроение у него хорошее. – А ты чего загрустил, Егор? Может, не хочешь ехать домой?

– С чего ты решил, весёлый такой?! – огрызнулся Егор, не глядя на коллегу. – Спать, так спать...

Как и вчера, постелили им на полу. Виталий, только лёг, подбил под голову поудобнее подушку и засопел, провалившись в глубокий сон. Егору же не спалось. Он перебирал в уме события прошедшего дня, размышлял о словах дяди Васи, почему так быстро развалилась дружба народов, о том, как теперь вести себя с Виталием, который показал себя не с лучшей стороны, и о том, как теперь быть с этими ведрами варенья. Тем более, что, судя по звукам и запахам, доносившимся с кухни, тётка своё слово держала.

Рядом на раскладном диване беспокойно ворочался дядя Вася. Наверное, ему тоже не спалось от тревог резко изменившейся жизни. Но вскоре по мощному дядькиному всхрапу Егор понял, что того, скорее, мучают тревожные сновидения.

Примерно через полчаса мимо него прокралась на балкон тётя Алла, долго шелестела там бумажными мешками. Потом так же бесшумно

вернулась на кухню. А вскоре улеглась спать и она, бесцеремонно пододвинув мужа и освободив себе побольше места на диване. Тот даже не проснулся, только громко засопел. Наконец, заснул и Егор...

Утро было хлопотным. Это была суббота – день выходной. Пока гости спали, дядя Вася с тётей Аллой сходили на рынок, купили десяток дынь, яблоки, груши. Всё это буквально притащили в квартиру в двух огромных сумках, которые в народе прозвали «челночными» за то, что в них в эти годы возило товары на продажу множество людей, занявшихся торговлей, чтобы выжить в трудное и беспокойное время.

– Фрукты поделите, – ответил на немой протест в Егоровых глазах дядя Вася.

– Поровну. А мы вас проводим, – добавила тётка и выразительно посмотрела на Виталия. Тот и глазом не моргнул, кивнул:

– Конечно! Какие сомнения?

Как они добирались до станции, отдельная история. Вышли из дома загодя, все вместе – и гости, и хозяева, нагруженные «по самые брови», как подметил дядя Вася. Плелись медленно. Впереди – тётка с одной из огромных «фруктовых» сумок. Вторую такую сумку в одной руке нёс дядя Вася, в другой – держал мешок с рыбой. Следом тащился Егор с эмалированным ведром с абрикосовым вареньем, крышка которого была плотно замотана тряпицей, с сумкой и пластиковым кофром со съёмочной аппаратурой и штативом. Замыкал процессию Виталий. За спиной у него висел неизменный большой рюкзак, в одной руке – эмалированное ведро с вишнёвым вареньем, в другой – бумажный мешок с рыбой.

«Он свой мешок крестиком пометил», – ещё утром шепнула Егору тётка. – Но ты не переживай, я всё сделала...».

Виталий громко пыхтел, всем видом показывая, что тяжело, часто останавливался перевести дух и вытереть вспотевшие лицо и шею. Наконец, они сложили вещи на перроне возле небольшого вокзала. Куча вышла внушительной.

– Поезд будет стоять только две минуты, – напомнила тётя Алла. – У нас обычно грузятся в любой вагон, чтобы успеть. А там – разберётесь.

– Но нам надо выяснить с начальником поезда, куда нас посадят? В какой вагон, имею я в виду, – почесал затылок Егор.

– Тебе же сказали: в любой, – вмешался Виталий. – Сядем, не переживай...

Дядя Вася стоял в стороне, покуривая папиросу.

Громкоговоритель на вокзале сделал объявление на местном языке.

– Прибывает! – встрепелась тётка. – Быстро складываем всё в ближний тамбур, – инструктировала она. И начала подтягивать поклажу ближе к путям. – Помогайте!

Все кинулись ей на помощь. Показался поезд. Машинист дал гудок, и поезд начал тормозить. Перед ними встал четвёртый или пятый вагон. Девушка-проводник распахнула дверь, ловко откинула металлическую площадку, спустилась на землю.

– Быстро, быстро, – командовала она. – Вы ведь Кузьмицкий и Чурсин? Виталий остановил погрузку, заулыбался, намереваясь вступить с девушкой в беседу.

– Да, да! – опередил его Егор. – Грузи, потом говорить будем! – осадил он Виталия.

Тот обиженно засопел, начал втискивать в вагонную дверь свой рюкзак. Они буквально закидывали вещи на площадку: громоздили вёдра, сумки. Вдруг вагон дёрнулся и медленно поплыл.

– Скорей залезайте! – проводница уже была наверху. Егор с Виталием за ней влетели в тамбур. Егор высунулся в открытую дверь:

– Тётя Алла, дядь Вася, спасибо вам за всё, счастливо оставаться!

Он видел, как тётка тёрла ладонями глаза, а дядя Вася всё махал рукой...

Им отвели целое купе в соседнем вагоне, куда они едва ли не час перетаскивали багаж. Поезд вёз их на восток. Эти двое суток в пути летели незаметно.

Все два дня Виталий то и дело проверял подарки: отделял хорошие фрукты от тех, что уже начинали портиться. При этом забракованные груши и яблоки он не выбрасывал – съедал.

А Егор в это время бродил по вагонам, осматривая их. Отметил, что у поезда не было следов варварства: окна целы, проводники выглядели гораздо лучше тех, с которыми они ехали в первый раз.

Новый начальник поезда Валерий Алексеевич, высокий, чернявый, подтянутый, молодящийся мужчина в железнодорожной форме в своём тесноватом купе угощал Егора чаем и охотно отвечал на вопросы.

Оказывается, именно в день их отъезда из Сибири российское Министерство путей сообщения подписало соглашение с Казахстаном о взаимной охране пассажирских поездов. Составы сразу начала сопровождать служба охраны, приступила к делу и транспортная милиция Казахской Республики. Инциденты, правда, ещё встречались, но порядка за эти несколько дней сразу стало больше: окна почти не бьют, проводников не трогают. А бесплатный проезд казахские власти и сами не приветствуют – деньги-то идут в их казну...

– У нас в отделении дороги про вашу командировку все знают, – почесал свой большой с горбинкой нос Валерий Алексеевич. – Говорят, что это телевизионщики помогли проблемы исправить, вроде как всё – с вашей лёгкой руки, – уже в третий раз повторил он одну и ту же мысль.

– Да причём тут мы?! – деловито хмурился Егор. – Нам чужой славы не надо! Просто так совпало...

– А у нас говорят, если бы наш начальник дороги без конца эту тему в министерстве не «пробивал», если бы не грозил показать на всю

страну фильм, ничего бы не изменилось, – благодушно развёл руками Валерий Алексеевич.

...В Новокузнецк они прибыли в вечерних сумерках. Пока Егор с Виталием выносили на перрон свои вещи, поток пассажиров растворился в ночи. Они растерянно стояли среди кучи из сумок, мешков, вёдер и дынь. Виталий, кряхтя, взгромоздил на спину свой рюкзак.

– Куда мы теперь со всем этим? – по привычке почесал затылок Егор.

– А ещё в Кемерово ехать...

– Не дрейфь, – подмигнул Виталий, – что-нибудь придумаем.

И как по мановению волшебной палочки к ним неожиданно подошёл Алик – молодой, белокурый, смешливый водитель машины из их «Копейки».

– А я вас уже третий день тут караюлю. Директор отправил сюда в командировку – за вами. Сказал, жди до упора, пока не встретишь. Как съездили?

И, не дожидаясь ответа, воскликнул:

– Ну, и вещей у вас!

– Не бойсь, все увезём, – уgomонил водителя Виталий. – Предлагаю так: вы носите груз в машину, а я здесь стою и караюлю.

Но Егор предложил караулить по очереди. Вскоре она набили до краёв редакционный «Москвич». Алик сел за руль, рядом с ним – Виталий. Егор, по привычке, угнездился на заднем сидении, и они двинулись в путь, навстречу ночи. Это был последний – длиной почти в двести километров – отрезок пути их зарубежного «турне».

На безлюдном ночном шоссе Алик выжимал из машины всё, что можно. Егор дремал и сквозь сон до него долетали обрывки бесконечного рассказа Виталия о приключениях, где он явно привирал про события, приукрашивая и их, и свои заслуги.

В Кемерово въехали уже поздней ночью. Егорово жилище – старая пятиэтажка – было первым на их пути. Машина свернула во двор. Фары «Москвича» ярко блеснули в окнах спящего дома. У подъезда Алик заглушил мотор, вышел из машины, принялся возиться в багажнике. Виталий тоже вышел, потягиваясь и разминая затёкшие ноги.

– Моя рыба лежит рядом с рюкзаком, – услышал Егор. – Не перепутай мешки!

Егор тоже ступил на родную землю, потёр кулаками заспанные глаза, достал из салона свою сумку с вещами и подошёл к багажнику, над которым склонились Виталий с Аликом.

– Какое ведро ваше? – посмотрел на Егора Алик.

– Кузьмицкого спроси, – ухмыльнулся тот.

– Оба мои, – торопливо отреагировал Виталий. – Ты же сам отказался, – напомнил он, глядя себе под ноги.

– А с фруктами, дынями как быть? Или вам тоже не полагается... – Алик понимающе заулыбался.

– Сколько ты мне дынь «отвалишь»? – нарочито громко спросил Виталия Егор.

Тот растерялся, но буквально на секунду:

– А сколько ты сам считаешь? – он хитровато глянул на Егора.

Тот поднял глаза к небу, делая вид, будто считает, выдержал паузу и сказал:

– Ну, хотя бы парочку, – потом подумал, – нет, выдели три – одну я Алику отдам.

– Хорошо. Ты сам решил, – Виталий склонился над багажником, долго рылся в освещённом тусклой лампочкой чреве автомобиля. Наконец, подал Егору две дыньки, потом – ещё одну. Егор протянул дыню Алику:

– Это тебе от нас «спасибо». Аппаратуру в машине оставим, поосторожней с ней. Завтра на студию доставишь, – две дыни он сунул в свою сумку.

– А фрукты? – с непонятной настойчивостью спросил Алик.

– Да пусть их... Слышь, Виталий, всё остальное – забирай! – и услышал, как Виталий облегчённо вздохнул.

– Всё, пока. Завтра приду на работу к обеду...

Егор подхватил мешок с рыбой, сумку с вещами и, не оборачиваясь, направился к своему подъезду.

г. Владимир,
октябрь 2016 г.

(Публикуется по тексту сборника рассказов
«Ёршик с ангиной». – Кемерово, 2017 г.)

Об авторе

Сергей Черемнов родился 12 января 1956 года в Прокопьевске. Учился здесь в средней школе № 3. Окончил филологический факультет Кемеровского госуниверситета и отделение журналистики Сибирского института социального управления и политологии.

Работал корреспондентом, заведомом промышленности, главным редактором городской газеты «Шахтёрская правда» в Прокопьевске. Был собственным корреспондентом областной газеты «Кузбасс».

В 1987 году переехал в Кемерово, заведовал сектором печати, телевидения и радиовещания Кемеровского обкома партии. В 1991 году с коллегами организовал первую негосударственную областную телерадиокомпанию «Агентство информации Кузбасса – АИК», где был главным редактором.

В 1994-1995 годах руководил пресс-службой Законодательного Собрания Кемеровской области первого созыва.

В 1996-1997 годах в Москве возглавлял пресс-службу Министерства по делам СНГ Российской Федерации. Затем около пятнадцати лет трудился начальником управления по работе со СМИ администрации Кемеровской области – пресс-секретарём губернатора Кузбасса.

В 2015-2020 годах был заместителем председателя комитета по работе со СМИ администрации Владимирской области.

Член Союза журналистов России (1982). Заслуженный работник культуры РФ (2007). Лауреат премии Кузбасса.

Автор сборников рассказов «На картошку» (2015), «Ёршик с ангиной» (2018), «Партийный хит сезона» (2019), «Сибиряки на Варварке» (2021); повестей «Галкинус» (2020), «Бонины радости» (2020), «Спасти шахтёров» (2023); серии книг очерков «Творческие люди» – о журналистах, литераторах и деятелях других сфер культуры Кемеровской области, а также книг по истории журналистики Кузбасса.

Оглавление

Вместо предисловия.....	4
Дядя Вася.....	7
Солнечная рыбалка.....	32
Корабль пустыни.....	59
Ночной извоз.....	92
За границей дружбы народов.....	97
Об авторе.....	127

Сергей Иванович Черемнов

Капчагайские рассказы

Литературно-художественное издание

(Электронная книга)

Компьютерная вёрстка,
оформление и создание pdf – автора книги

Редактор Нина Михайловна Инякина

Консультанты:

Галина Николаевна Черемнова

Наталья Георгиевна Круглякова

В книге использованы фотоиллюстрации из Internet

Подготовлено к публикации 4.11.2024 г.